

Колос

8
АВГУСТ
1964

Костёр

8
АВГУСТ
1964

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Победители конкурса юнкоров 3

Авария

очерк Л. ГАЕВСКОГО 4

Я живу на Чукотке

стихи РЫТХЭУ 7

Стойка Тинка

рассказ Р. ДОРОГОВА 9

Самый мощный на земле

очерк В. БАЙДЕРИНА 12

Рисунки на асфальте

повесть В. ГОЛЯВКИНА 14

В мастерской С. Т. Коненкова

фотоочерк М. ФУКСА и Л. ПОЛЯКОВА 37

Кто виноват?

фотоочерк Г. АЛЕКСАНДРОВИЧА 39

Подарок Старого Штейгера

польская сказка 41

Забавные подделки

очерк Б. БОРЕЙКО 45

Морская энциклопедия

под редакцией С. САХАРНОВА 48

Таинственные следы

загадки натуралиста 50

Что? Где? Когда? Почему? 51

Огород без земли

очерк М. ДАНИНИ 53

Уголок веселого архивариуса 59

Не рыцари

беседа за круглым столом „Костра“ 60

Футбольная наука

спортивное обозрение Ю. КОРШАКА 62

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Молчат леса.
Пустеют гнезда.
Прохладней солнышка лучи,
И по ночам большие звезды
Неслышно падают в ручьи.

Все песни у костра пропеты...
Гори, костер, в последний раз!
Уходит лагерное лето
Лесной тропинкою от нас.

И пахнут просеки грибами,
И мелкий дождик моросит,
И под окном проститься с
нами
Наш друг — малиновка —
летит...

Э. Дубровина,
Л. Никольская

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК

Умер большой писатель, верный друг ребят — Самуил Яковлевич Маршак. Это горькая, тяжелая потеря для всего нашего народа.

Долгие годы Самуил Яковлевич Маршак трудился вместе со всей страной — и трудился за десятерых. Если оглянуться на то, что он сделал, — какая это гора! Сколько великолепных стихотворений, поэм, сказок, пьес, песен, загадок, считалок подарил нам Маршак, и как хорошо они учат любить Родину и родной язык, мечтать, дружить и бороться! А ведь Маршак успевал еще писать статьи, переписываться с сотнями читателей, воспитывать молодых литераторов. В свое время он основал всесоюзное детское издательство, и журнал «Костер» тоже основан Маршаком.

Самуила Яковлевича Маршака нет с нами. Но все, что он сделал, так добротню, крепко, талантливо, что не износится и не сотрется. Читателей у Маршака все прибывает и прибывает. На его стихах они вырастают, с его стихами выходят в жизнь — продолжать революцию, продолжать дело Ленина, строить коммунизм.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА ЮНКОРОВ

(Окончание. Начало в предыдущем номере)

ПРЕМИЙ КОСТИ ТЕРКИНА УДОСТОЕНЫ:

Ира Антипова (г. Днепропетровск) — рассказ „Как я был чемпионом“.

Коля Баранов (с. Грудиновка Могилевской области) — шутка „Удивил“.

Боря Беркут (ст. Тимошевская Краснодарского края) — фото „Парашютист“.

Юра Вишнев (г. Калинин) — иллюстрированные заметки и фельетоны.

Алеша Власов (совхоз Курганской обл.) — сатирические заметки.

Володя Голубев (п. Майск Башкирской АССР) — фото „Девочка на санках“.

Володя Диброва (г. Черкассы) — стихотворение „Мы сами“.

Володя Долгодворов (г. Красавино) — репортаж „Случай на „Комсомолке“.

Вася Немов (ст. Платовка Оренбургской обл.) — повесть „Путешествие на Марс“.

Толя Пулков (дер. Новая Ленинградской обл.) — заметка „Воскресник“.

Люба Райкова (г. Алмалык УзССР) — карикатуры.

Витя Рубан (с/з „Красный чабан“ УССР) — заметка „Значок“.

Боря Семинчонок (с. Медвежанка Луганской обл.) — заметка „Самолет“.

Валя Сиднина (колхоз „Трудовик“ Джамбульской обл.) — заметка „Стенгазета“.

Вася Сиротенко (г. Коммунарск, УССР) — фотографии из школьной жизни.

Саша Созыкин (г. Верещагино) — заметка „В типографии“.

Рая Спицарева (г. Казань) — заметка „Как проучили Генку“.

Света Старикова (р. В. Дарасун Читинской обл.) — сказка „Два хороших и один плохой поступок“.

Володя Филимонов (с. Тереньга Ульяновской обл.) — заметка „Ясным днем“.

Валя Филиппова (дер. Старые Высли Чувашской АССР) — заметка „Как мы подружились“.

Павел Франц (пос. Денисовка Кустанайской обл.) — карикатуры „Похождения Вити Задиралова“.

Мухамед Хафицев (с. Заюково Кабардино-Балкарской АССР) — карикатуры.

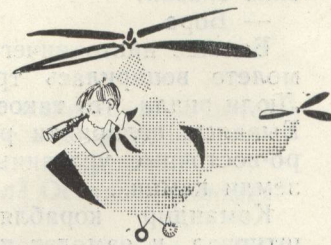
Клара Цигина (г. Камышин) — сказка „Про Пива и Пама“.

Нина Шрамнова (г. Первомайск Луганской обл.) — рассказы и заметки.

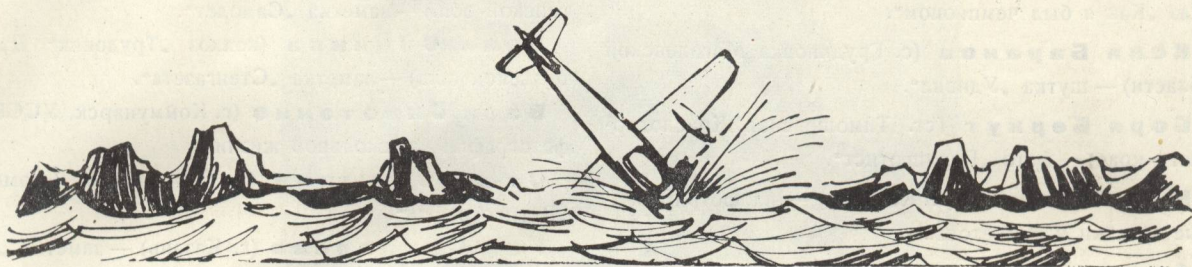
ПАМЯТНЫМИ ПОДАРКАМИ НАГРАЖДАЮТСЯ:

Лена Александрова (г. Собинка Владимирской обл.), Миша Анищенко (г. Куйбышев), Геня Анохин (пос. Ясное Сахалинской обл.), Володя Антипин (г. Жигулевск Куйбышевской обл.), Таня Баланина (Курская обл.), Галя Белопашенцева (с. Сосновка Пензенской обл.), Саша Беляков (дер. Крестцы Вологодской обл.), Коля Бергер (с. Тупрунка Кировской обл.), Вова Брехов (г. Киев), Элла Бровченко (г. Красноуфимск Свердловской обл.), А. Волков (г. Ново-Экономическ Донецкой обл.), Таня Гагарина (дер. Гаютино Ярославской обл.), Олег Глазунов (г. Брянск), Петя Гришаев (с. Ушинка Пензенской обл.), Витя Грушин (Тыхтаброд Кокчетавской обл.), Таня Дьяченко (г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской обл.), Миша Дюрягин (дер. Хозятино Киров-

ской обл.), Юра Евтушенко (г. Таш-Кумыр Киргизской ССР), Володя Ермаков (Горнозаводск Сахалинской обл.), Рая Зиньковская (г. Губкин Белгородской обл.), Таня Карачевцева (г. Мелитополь), Сережа Карташёв (г. Мирный), Вера Килина (Сосново Пермской обл.), Валя Корженко (Ново-Водолага Харьковской обл.), Максим Кранс и Витя Маслов (г. Химки Московской обл.), Вера Кукарцева (г. Киров), А. Кулаков (ст. Трудармейка Кеме-

(Продолжение на стр. 6)

АВАРИЯ

Л. Гаевский

Рисунки Ю. Галецкого

Как-то в ноябре 1930 года на одном из подмосковных аэродромов к механику Ростиславу Проварихину подошел плотный человек в меховых унтах. Вокруг зашептались. Это был знаменитый летчик.

— Я видел, как ты шуруешь у моторов... Хочешь в полярную авиацию?

— Разве есть такая?

— Если нет, так будет!

* *

В середине сентября 1932 года самолет «СССР Н-3» с очередным специальным заданием по программе Международного полярного года вылетел на Землю Франца-Иосифа. В такие высокие широты не залетал еще ни один самолет в мире.

В Баренцовом море, недалеко от Новой Земли, показались густые и темные облака. Они шли низко, над самым морем.

Молодой штурман Дальфонс тихо сказал:

— Бора...

Больше никто ничего не говорил, но в самолете воцарилась тревога. Все оцепенели. Люди знали, что такое ново-земельская бора. Бывалые полярники рассказывали, что северо-восточные ураганные ветры поднимают с земли камни...

Командир корабля Порцель повернул штурвал, и самолет послушно направился к морю. Экипаж понял маневр: в случае чего —

посадка на воду. Справа от самолета проплывали хаотические нагромождения скалистого острова, внизу над морем пронеслась белая стружка сорванной ветром пены.

Самолет задрожал. Упругая стена стала на пути воздушного корабля. Надрывно гудели моторы. Напор ветра был так силен, что машина почти висела на месте. Привычные звуки работающего двигателя исчезли: их поглотил сплошной свист урагана. Самолет дрогнул и накренился в левую сторону. Удар. Послышался скрежет разрывающегося металла. Еще удар! Оторванное крыло грохнуло по хвосту. Потерявший управление самолет беспорядочно закувыркался вниз и врезался в воду.

Через несколько секунд вынырнул человек. Это был второй бортмеханик Виктор Чечин. Он огляделся вокруг и увидел деревянные обломки, пробковые пояса, плавающий хвост самолета.

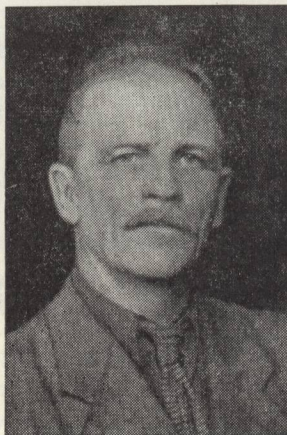
Виктор ухватился за него. В волнах оказалась еще одна голова.

— Ростислав! Плыви сюда! — крикнул Чечин.

— Где командир? — в ответ прокричал Проварихин.

— Ищи!

Проварихин плыл, то и дело окуная голову в воду. Кровь заливала ему глаза.

Ростислав Борисович
Проварихин

— Вижу! — крикнул Виктор.

Метрах в пятнадцати мелькнуло что-то. Виктор и Ростислав бросились к этому месту. А когда человек снова вынырнул, его подхватили товарищи.

Научный сотрудник Марк Шевелев был почти без сознания. Помощь подоспела вовремя. Оба бортмеханика отбуксировали Шевелева к плавающему хвосту. Они долго кричали, надрывая легкие.

Никто не отозвался.

— Значит... — сказал Чечин.

Проварихин молчал. Шевелев лежал лицом вниз на деревянных переборках хвоста. Волны били, окатывая людей, и было не разобрать: плачут они или это стекает морская соленая вода...

— Темнеет, — сказал Ростислав, — пора плыть...

Катастрофа произошла в пяти километрах от берега. Трое, оставшихся в живых, на деревянных обломках поплыли к острову. Чтобы не утонуть, пришлось сбросить унты, меховую одежду.

— Что будем делать? — спросил Виктор, когда все выбрались на берег.

Кругом скалы, ледники. Тишину нарушает мерный грохот прибора.

Проварихин понимал, что в такую погоду их найти будет трудно. На этом голом острове даже костер не разжечь.

Наступила ночь. Ветер стих. Люди шли вдоль берега к югу, шли по колючему льду, как по рашпилю. Через несколько часов пути их ноги были стерты в кровь.

Шевелев часто падал.

— Я ищу съедобную растительность, — грустно шутил он.

Ему было труднее, чем выносливым бортмеханикам. К утру Шевелев совсем выдохся. Проварихин взял его руку и положил себе на плечо.

— Держись! — коротко бросил он.

Тот снял руку.

— Не могу... Я должен, как все...

Подождал Виктор. Теперь обе руки Шевелева легли на широкие плечи бортмехаников.

— Так будет лучше, — сказал Виктор.

— Подчиняюсь силе, — улыбнулся Шевелев.

Трое двинулись дальше: Ростислав — справа, Виктор — слева, Марк — в центре. Он совсем не мог ступать стертыми, кровоточащими ногами.

— Вот что, братцы, — сказал Шевелев, пройдя несколько десятков шагов. — У меня

— Пойдем к Матшарской полярной станции, — ответил Ростислав. — Будем идти, пока есть силы.

Шевелев лежал на камнях.

— Нас должны искать, — сказал он еле слышно.

— Безусловно, — ответил Проварихин.

есть идея. Вы оставляете меня здесь. А потом придете... Когда доберетесь до зимовки...

Ростислав повернулся к нему:

— Ты что, с ума сошел? Осталось километров десять!

— Оставьте меня, я прошу. Мне не пройти и десяти шагов.

Марк снял свои руки с плеч товарищей.

Полураздетые люди стояли на каменистом берегу полярного острова. Луна раскаленной добела болванкой неподвижно повисла над морем.

— Может быть, так в самом деле лучше, — нерешительно сказал Виктор. — Мы с тобой быстро доберемся до станции, пришлем помощь...

Усталость охватила Проварихина. Хотелось лечь на камни, не двигаться. Ноги стали свинцовыми. «Как быть? — думал он. — Нам не донести Шевелева по этой адской дороге. И оставить его здесь...»

— Нечего раздумывать, ребята... Я буду здесь ждать...

Шевелев лежал с закрытыми глазами, не решаясь смотреть на товарищей. Они пожали ему руку и, не оглядываясь, ушли.

Проварихин с трудом передвигал ноги. В голове гудело, глаза застилала пелена. Дважды он упал, наступив на острые камни. Поднявшись, он поднял руки к лицу и начал тереть нос, щеки, уши, лоб.

Все происшедшее встало в памяти. Комок подступил к горлу. Марк — он лежит один. Покинутый. Брошенный товарищами. Как ты будешь смотреть в глаза людям?

— Виктор!

Тот обернулся. Два товарища смотрели

друг на друга с полминуты. Затем, не говоря ни слова, они повернули обратно.

Несли Шевелева поочередно, на спине. Шли весь день, а когда тусклое солнце скрылось за горизонтом и стало темно, далеко впереди показались огни полярной станции.

...Радист передавал в Управление очередную метеосводку. Остальные зимовщики отдыхали. Вдруг с тихим скрипом открылась дверь. В черном проеме, привалившись к косяку, стоял человек. Одежда висит клочьями, на лице засохшая кровь. Он тяжело дышит, губы беззвучно шевелятся. Человек рукой показывает за дверь.

В Арктике не принято расспрашивать. Зимовщики бросились на поиски. Неподалеку от домика они обнаружили двоих израненных людей.

* * *

Летчик-ветеран Ростислав Борисович Проварихин живет сейчас в Рыбинске. История, которую вы прочли, рассказана им самим.

Заканчивая, Проварихин сказал:

— Вот так чуть не случилась катастрофа.

— Как не случилась?!

— Да я не о той, с самолетом. Та сама собой. Но если бы мы тогда бросили Марка... Нет, не хочу даже думать, что так могло случиться.

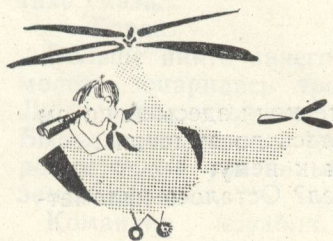
ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА ЮНКРОВ

(Окончание. См. стр. 3)

ровской обл.), Валя Кушнир (пос. Югоренок Якутской АССР), Нина Латышева (г. Донецк), Сережа Левин (с. Малый Мичкас Пензенской обл.), Валя Лигачева (г. Острогжск), Володя Лисовских (Карпинск II Свердловской обл.), Зоя Манина (с. Вуадиль Уз. ССР), Римма Мантрова (Туймаза

Башкирской АССР), Люда Маслюкова (г. Юрга Кемеровской обл.), Валерий Мисьяк и Сергей Десятников (г. Уссурийск), Витя Неплюев (г. Джамбул), Галя Неустроева (село Верх-Березовка Северо-Казахстанской обл.),

Тая Николина (Павлово на Неве Ленинградской обл.), Ира Новожилова (г. Павлово-Посад Московской обл.), Ваня Носов (г. Горький), Володя Павленко (Ново-Экономическ Донецкой обл.), Володя Павлов (г. Чебоксары), Ира Павлова (ст. Паша Ленинградской обл.), Тамара Панченко (г. Челябинск), Люда Пасс (г. Днепродзержинск Кемеровской обл.), Саша Подин (Саркаид Каз. ССР), Толя Прокофьев (ст. Оксочи Новгородской обл.), Витя Просеков (с. Безменово Новосибирской обл.), Юра Пухарев (г. Челябинск), Сережа Самохвалов (г. Ленинград), Альфред Сафиуллин (с. Очаир Омской обл.), Шура Сашинская (с. Суксумово БАССР), Люба Смелянцева (Красноярский край), Илья Цилимбаев (с. Михайловка Волжского р-на Куйбышевской обл.), Лида Чеснокова (с. Шацк Вольнской обл.), Наташа Черная (г. Ленинград), Надя Юзефович (г. Петрозаводск).

Я ЖИВУ НА ЧУКОТКЕ

Рытхэу

Кто быстрее

Едет дядя мой на собаках,
рядом с нами
несется дядя.
Понукает собак,
однако
остаётся, бедняга, сзади.

Я сижу рядом с папой,
глядя
на развихренный снег
в окошко.
И, признаться, жалею дядю
и жалею собак немножко.

Дядя правит упряжкой лежа,
он кнутом то и дело машет,
он кричит на собак, —
и все же
отстает
от машины нашей.

И над каждой собачьей мордой —
как из чайника пар горячий...
Рядом с папой
сижу я гордый,
и, как папа, улыбку прячу.

Кит

Нынче
с самого утра
весь поселок в сборе.
Преогромная гора
выросла у моря.
Петя рядышком стоит,
гору взглядом мерит.
Говорю, что это кит, —
он, чудак, не верит.

От натуги рокоча,
из воды
на сушу
два колхозных тягача
вытащили
тушу.
Заблестело
сто ножей —
и пошла работа.

Рот у Пети до ушей:
видно, понял что-то.
Не прошло и двух минут,
решено обоими:
в космонавты не возьмут —
станем
китобоями!

Гравюра К. Овчинникова

Солнечное утро

Я бегу вприпрыжку
утром
по дорожке.
И портфель
под мышкой,
солнце
на застёжке!
Сто дымков веселых
ввысь уходит круто.
Издали —
поселок
нарисован будто:

По льду пробегает
тень от самолета.
Выстрелы с припая:
там идет охота.
Пять упряжек возьят
мясо на приманку.
Жаркий день
в колхозе
нынче спозаранку!

С горки дошколята
кубарем летают...
Так и я когда-то!
Вот ведь как бывает!
Ветерок из тундры.
Щиплет нос
немножко.
Солнечное утро.
Школьная дорожка.

Друг

Он с отцом приехал
с Волги.
У него отец —
столяр.
Показался он в поселке,
я из лука в цель стрелял.
Вижу:
он меня чуть выше,
чуть светлее моего.
А еще поближе —
вижу:
нос в веснушках у него.
Я спросил:
— Видал тюленя?
Отвечает:
— Не видал.
Я спросил:
— Эдал оленя?
Отвечает:
— Не эдал.
— А болу кидать умеешь?
Головой качает:
— Нет.
— Ну, а что же ты умеешь?
Улыбается в ответ.
Я его, конечно, тут же
научил пращу вертеть.
Показал ему,
как лучше —
по-охотничьи —
свистеть.
Незаметно,
понемножку
Петя стал моим дружкой.
Ходим в тундру —
есть морошку,
по заливу —
босиком.
Смотрим на море подолгу,
Петя тихо говорит:
— Вот поедем-ка на Волгу,
там зеленый лес шумит.
Выйдем в поле
на рассвете —
рожь волнуется вокруг...
И грустит о чем-то Петя.
Петя —
самый лучший друг.

Куда летает самолет

Мы идем однажды с Петей,
а над нами —
самолет.
Петя глянул и заметил:
— Это почту он везет.
У меня другое мнение.
Возражаю на ходу:
— Просто лежбища тюленьи
он отыскивал на льду.

Только Петя парень
трудный,
кровь у Пети горяча:
— Самолет уходит в тундру,
значит, он везет врача!
Ну и выдумано ловко!
Я, конечно, возразил:
— Нет, скорее, на зимозку
он продукты отвозил.

Спорить начали мы
с Петей, —
самолет и улетел.
У него на белом свете —
разве скажешь,
сколько дел!

Медвежий компот

Есть при школе интернат:
там живут и там едят.
Но зашел я в воскресенье —
ветром выдуло ребят!

Лишь на льду за школой
слышен смех веселый.

Я бегом туда бегу,
все друзья на берегу,
и два белых медвежонка
куролесят в их кругу.

Белые комочки,
лишь носы — как точки!

Мы глядим на медвежат —
умираем со смеху.

Кто куда от медвежат
удирает по снегу.

Глядь, и медвежата
спрятались куда-то.

Нас позвали на обед,
дали супу и котлет.
Был компот обещан сладкий, —
говорят, компота нет!

Целый бак компота?
Ясно, чья работа! —

Интернат на берегу,
а компот стоял в снегу,
вот и съели медвежата,
облизнулись на бегу!

Сосулька

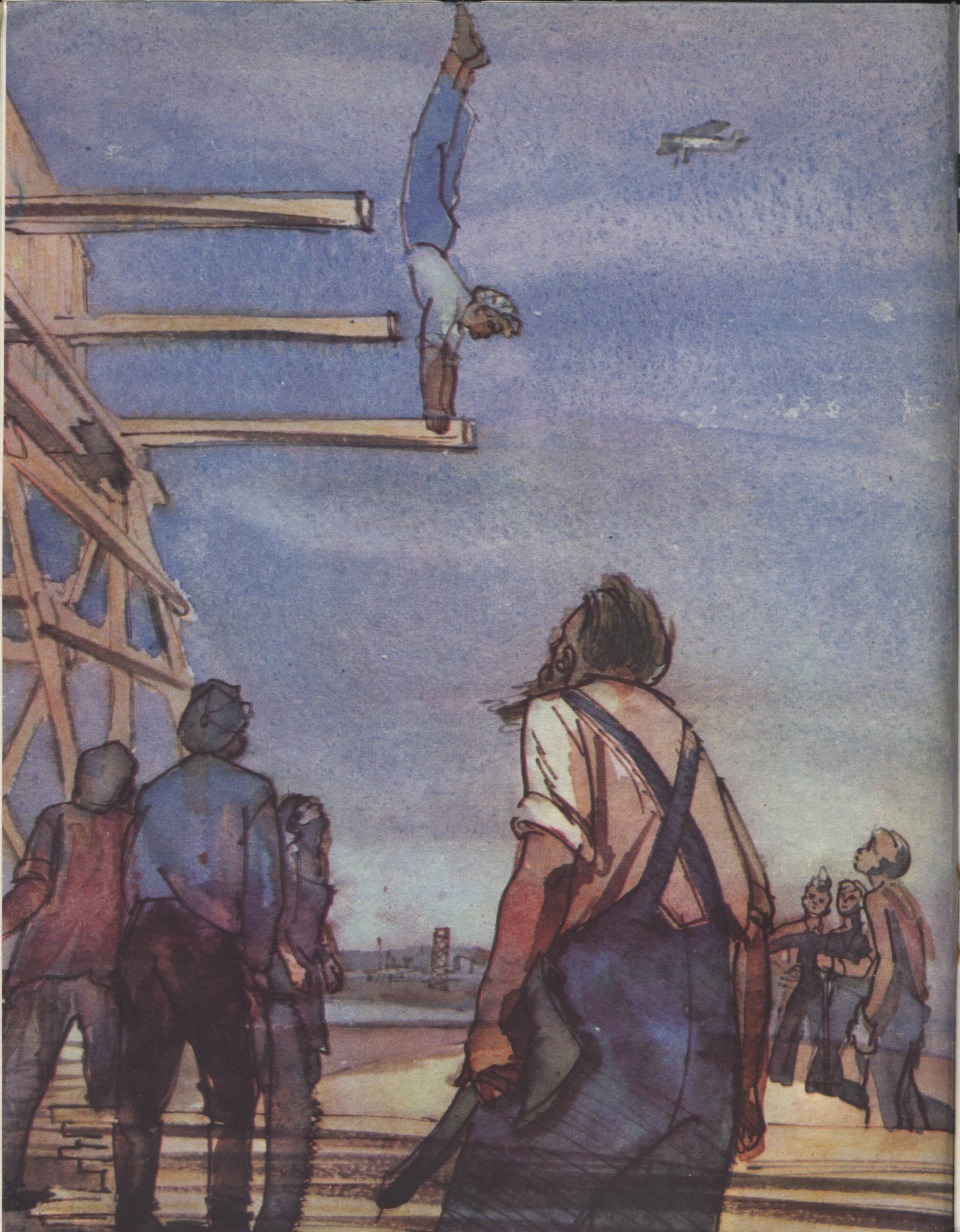
Солнечный лучик,
задев за карниз,
острой, блестящей
сосулькой повис.
Мне удивительно,
встал и стою,
голову вверх
задираю свою.

Каплю за каплей
ловлю языком.
Щиплет язык
озорным холодком.
Солнце
щекочет ресницы слегка.
Каждая капля
чиста и сладка.

Нет, я не капли ловлю на
лету, —
солнце весеннее
тает
во рту!

Авторизованный
перевод Гл. Семенова

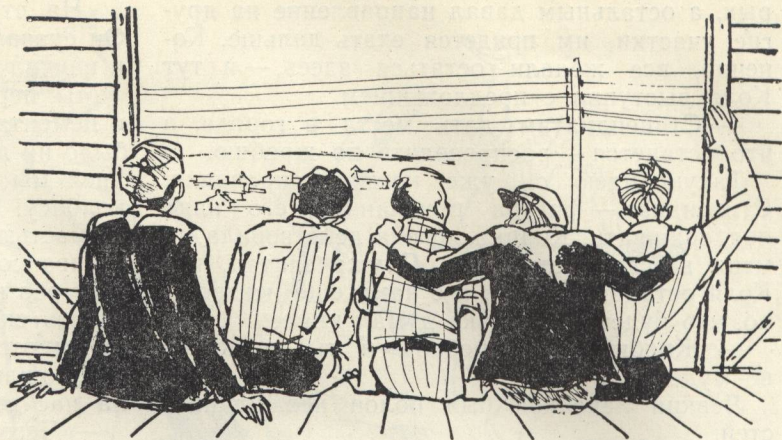

СТОЙКА ТИККА

РАССКАЗ

Р. Дорогов

*Рисунки
А. Сколозубова*

Теперь не стали ходить босиком. Без обуви в школу даже не пускают. А мы ботинок почти не знали. Ходили рыбачить на Шлыкову мельницу, собирали грибы в Зерендинском лесу, плавали на лодке — и все босиком.

На экзамены в техникум мы с Колей Рекиным пришли тоже босиком. Все поступающие, однако, выглядели совсем по-другому, и я сказал Коле, что тут большой город и неудобно ходить без обуви. Но Коля сурово обрезал меня:

— Опять ты занимаешься ерундой! Думай лучше, как сдать экзамены.

Мне было тогда только пятнадцать лет, а Коле вот-вот исполнилось шестнадцать — и он имел право руководить мною. Да и характер у него был сильнее. Мы продолжали ходить на экзамены босиком, и в техникум нас приняли.

Прошел год, мы уезжали на практику. Нашему курсу дали отдельную теплушку. Иван Ефимович — наш декан — держал на перроне прощальную речь.

— Вы учились, а теперь едете работать. Вы должны понять, что такое радость труда.

А мы чувствовали только радость освобождения — впервые мы ехали куда-то одни.

Двери теплушки были раздвинуты. Левка Смирнов и его друзья сидели, свесив ноги. Бешеная скорость движения не пугала их. Нам всем хотелось посидеть в дверях, и мы спорили за места. Только Васька Овечкин — бледный, тонкий и высокий — сидел тихонько в углу на нижних нарах и что-то жевал. Он не выскакивал и на остановках.

— Вы, ребята, как хотите, — сказал он, — а я рисковать не буду. Я дал папе слово.

Коля Рекин рос без папы. Слов он не давал никому, но тоже был серьезен и все время штудировал учебник.

— Что ты носишься на каждой станции? — хмуро спрашивал он меня. — Почитал бы что-нибудь, — вдруг тебя заставят рассчитать железнодорожный мост?

— Коля! — говорил я умоляюще. — А вдруг не заставят? Ведь я еще маленький...

Он становился для меня слишком застенчивым — мой давнишний друг Коля, и революционный дух Левки Смирнова начинал привлекать меня больше.

Свистел в дверях встречный ветер, стучали чугунные буфера, мы с трудом удерживались от толчков на своих нарах, а наше продвижение вперед не составляло и пятисот километров в сутки. Да еще на пересадке мы проторчали целый день. Запас наших жизненных сил стал истощаться. Запас продуктов — тоже. Только Васька Овечкин ел еще свою краковскую колбасу.

Город, куда мы ехали, встретил нас тихим дождем. Желтый дым Коксохима сливался с облаками. Вагонетки канатной дороги быстро растворялись в сером тумане. Мы ожили. Васька Овечкин надел инженерскую фуражку с топором и якорем. Мы тоже нацепили кто что. Коля Рекин разгладил ладонями пробор на голове. Со смехом и гамом мы выгружались из вагона. Весело похрустывал шлак под ногами. Кому-то надо было идти в контору. Мы окружили Ваську.

— Ты самый высокий. Иди ты.

— У тебя фуражка с топорами... ому —

Васька отнекивался. Он сел на свой сундучок и только двигал плечами. Вызвался пойти Коля Рекин, но нам показалось, что этого мало.

В конце концов, Васька попросил нас покараулить сундучок и пошел вместе с Колей.

Они быстро вернулись и ошеломили нас новостью. Трест брал в город только восемь-

рых, а остальным давал направление на другие участки, им придется ехать дальше. Конечно, все желали остаться здесь, — и тут Коля выступил с предложением.

— Стипендиатам дать места в городе, а что останется — распределить по жребию.

Такую идею он уже когда-то проводил. Стипендиат — фигура признанная, его надо поддерживать. Колина логика действовала на меня всегда неотразимо. Я уже считал, что Коля останется здесь, а с нами еще неизвестно, что будет. Но Левка думал иначе:

— Жребий так жребий — и ты, пимокат, не мудри!

Левкин лексикон был полон неожиданно-стей.

О том, как мы тянули жребий, невозможно вспоминать и сейчас. В мировой литературе такие душераздирающие сцены описывались только один раз — в «Хижине дяди Тома».

Мы сложили билетки в Васькину инженерскую фуражку. Только на восьми билетах был нарисован крестик, и никто поэтому не хотел тянуть первым. Зато, как только проходило несколько пустых билетиков, все руки тянулись к фуражке — шанс повышался! Наконец, осталось всего два билета, из них один с крестиком. Не тянули жребий Васька и Коля.

— Тяни, чего ты трусишь? — нажимал Коля на Ваську.

— Нет, Коля! Тяни ты, Ваське нельзя рисковать, — сказал кто-то.

Мы остались в городе — и я, и Васька, и Левка с друзьями.

Коля предложил мне поменяться с кем-нибудь, чтобы ехать с ним. Но Левка вырос между нами.

— Поезжай и не мути, а то загнем тебе салазки при всех.

Мы жили в школе при Коксохиме, а работали на другом берегу реки.

Нашим десятником был Вайнэ Тикка — белесый финн, стриженный под бокс. Невысокий и загорелый, он ходил в клетчатой кепке и светлой рубашке с закатанными рукавами. Те времена кажутся даже нам далекими, а какой-нибудь пионер — из тех, что все знают, наверно, скажет, что тогда под бокс и стричь-то не умели. Нет, товарищ пионер, — умели. Стригли. И Тикка выглядел вполне по-спортивному. Его бы и сейчас в футбольную команду взяли. Класа Б. Тем более, что он действительно был футболистом. Они потом с Левкой в одной команде играли. Один левого инсайда, другой — правого. Наш Левка все умел — и мы ему всегда завидовали.

На стройке Тикка был очень серьезным. Он сказал, что работать надо честно и много, и научил нас гарцевать бетон вручную.

Мы переворачивали лопатами смесь песка и цемента и мечтали о горячем супе. У нас не было ни денег, ни продуктов, и уже несколько дней мы ели только Васькину краковскую колбасу. Ее запасы пугали нас своей неистощимостью. В конце концов, мы решили идти за авансом и опять окружили Ваську. Но на этот раз ничего не вышло — Васька готов был сидеть сколько угодно на одной колбасе.

Мы отправились к начальству, и все вместе вошли в кабинет. Начальник посмотрел на нас вопросительно. Мы молчали.

— Чего же вы, друзья? — спросил он.

Мы не условились, кто начнет разговор. Задние подталкивали передних. Левка больно давил мою ногу. Начальник улыбнулся.

— Так что же вам надо?

Я не вынес такой ситуации.

— Мы студенты, мы практиканты, — начал я, — у нас кончились продукты, дайте нам денег.

...Мы стали ходить в столовую и повеселели. Тикка давал нам задание и уходил на другой участок. Мы ложились в холодок и разговаривали о девочках. Потом Левка кричал:

— Джигиты Тугановы гарцуют бетон!

Все вскакивали, с лихорадочной поспешностью хватались за лопаты и с предельным напряжением сил перемешивали сухую смесь. Лопаты стучали друг о друга, высекая искры, и быстро переворачивали бетон. А те, кому не хватало места на байке, подпрыгивали рядом вхолостую и кричали: «Аса! Аса!». Мы кончали урок и мчались на моторку. Розовый «Ян Томпа» перевозил нас через реку.

Но скоро веселая жизнь кончилась. Тикка подкараулил нас за нашей цирковой гарцовой и засмеялся:

— Вы удивительно быстро работаете. Хювя! Я буду увеличивать вам уроки.

А вскоре мы оказались в центре событий. Наша эстакада понадобилась немедленно. Тикка не уходил от нас ни на минуту и становился все требовательнее. «Кири-кири», — то и дело покрикивал он, и стали кровоточить наши ладони, а по ночам поламывало все мышцы. Стояла жара, и сполохи часто рвали ночное небо. Мы купались перед сном, смывали дневной пот и пыль. Только Васька не купался с нами. Он был отщепенцем и приходил домой поздно — повышал, видите ли, свой кругозор в читальне.

Мы совсем запарились с нашей эстакадой и даже перестали воспитывать Ваську. Те-

перь он приходил домой, когда хотел, и никто не прятал доски от его кровати.

Однажды нас посетил сам главный инженер. Он прошелся по площадке, постучал трубкой о каблук ботинка, потом дал Тикке последний срок и уехал. А Тикка сел на бревно, долго смотрел в землю, и часто моргали его льняные ресницы.

Но утром он был весел, как всегда.

— Не будем делать леса. Перекинем мостик с тех брусьев. Ляхетэн!

Он повел за собой плотников.

Эстакаду для приемки угля с канатной дороги мы строили из деревянных брусьев. Надо бы делать ее из сборного железобетона — тут я с вами согласен, товарищ пионер, — но в то далекое время мы не понимали этого. На пятиметровой высоте торчали выпущенные в стороны длинные концы брусьев. Чтобы работать там, надо было устроить леса. Тикка решил не делать их, а на всякий случай подвез кучу песка.

— Лезьте туда, принимайте снизу доски, — предложил он плотникам.

Но те не шли.

— Высоко. Упасть можно... — тряс головой бородатый плотник в синем американском комбинезоне.

— Брус широкий, не бойся, — уговаривал Тикка.

Тряс головой бородатый плотник, и остальные тоже, задрав головы, недовольно трясли головами.

Тикка не умел говорить долго.

— Тогда не успеем... — пробормотал он и вдруг решительно полез наверх.

Мы уже давно перестали мешать сухую бетонную смесь и наблюдали за нашим десятником. Он легко забрался на эстакаду и подошел к торчащему брусу.

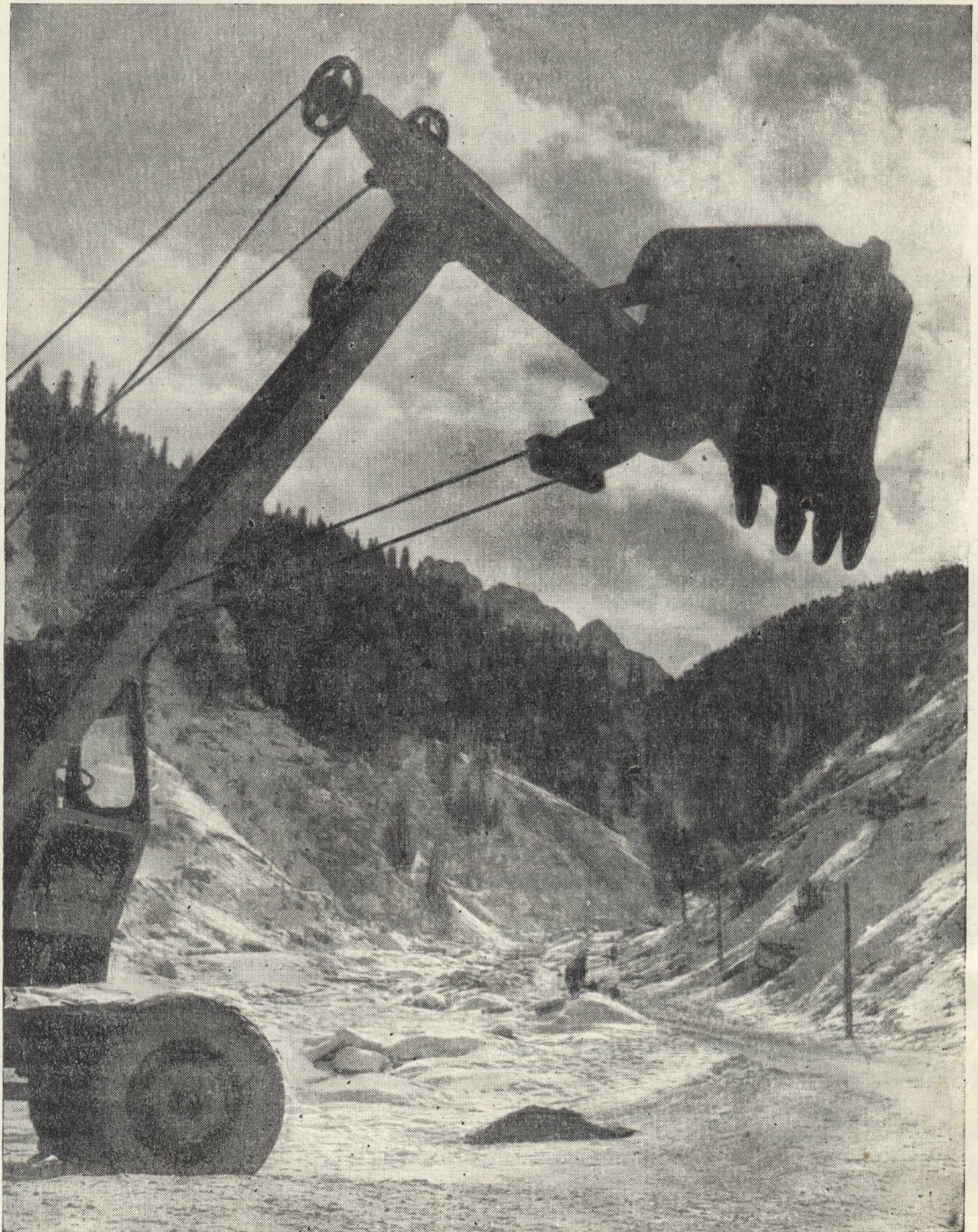
— Идите сюда! — махнул он плотникам и, не дожидаясь ответа, быстро побежал по брусу.

Плотники ошалело смотрели на него. Мы тоже. А он на самом конце бруса остановился, замер на секунду и вдруг неожиданно для всех сделал стойку на руках, задрав ноги вверх. Мы ахнули, а Тикка ловким прыжком снова встал на ноги и спокойно пошел назад. Он спустился вниз, и тут не выдержал Васяка Овечкин.

— Джигиты Тугановы чествуют Вайнэ Тикка! — крикнул он.

Мы кинулись к Тикке, громко кричали и высоко кидали его в воздух. Когда мы отпустили его, плотники были уже наверху, а тот, в синем комбинезоне, уже шел по брусу, расставив для баланса руки...

С тех пор прошло много лет, но я не могу забыть нашего первого десятника Вайнэ Тикку...

САМЫЙ МОЩНЫЙ

Зубатый ковш, словно тяжелая лапа, повис над горой. Кажется, пройдет мгновение, стальные когти опустятся на вершину, сгребут ее, разрушат, отнесут. Мой друг фотокорреспондент Петр Федоров сделал очень выразительный снимок, не правда ли? Снимок не только красив — он правдив. Горы, которые вы видите под ковшом экскаватора, скоро и в самом деле исчезнут. Но убережет их не экскаватор, а взрыв.

А почему их нужно взрывать? Разве они кому-нибудь мешают?

Нет, дело не в горах, а в том, что находится за ними.

Когда мы пролетали над этими горами на вертолете, мы видели за ними другие, еще более высокие горы, а во впадинах большие, сверкающие на солнце озера.

Откуда тут вода? Она — от дождей, от снега, тающего на острых зубцах вершин.

Казалось бы, ну что тут необычного, а тем более опасного? Тает снег, образуются озера, а из озер вытекают речки, бурные, веселые, как Малая Алмаатинка.

Да вот что плохо: высокогорные озера образуются на моренах — на смеси мелких камней и глины. Скованные морозом, морены тверды, словно бетон. Но в жаркое лето морены оттаивают, становятся жидкими, как тесто. Озерная вода еще больше размачивает, разжижает глину, и она начинает сползать с крутых боков гор.

Что ж, ползет-ползет да где-нибудь и застрянет?

Не всегда так кончается. В 1841 году лавина грязи и камней хлынула с вершин с такой силой, что преодолела все препятствия и ворвалась

в город Алма-Ата (в то время он назывался Верный). Грязекаменный поток разрушил, снес сотни домов, погибло много людей, скота.

Неудержимые потоки грязи и позднее врывались в город, не давали ему жить спокойно.

С этой бедой надо как-то бороться. Но как? Ученые тщательно исследовали морены, изучали причины образования грязекаменных потоков, высказывали разные предположения, как обуздать грозную стихию гор.

Сошлись, наконец, на одном: на пути грязекаменного (или, как его называют, селевого) потока надо поставить прочный заслон.

Каким должен быть заслон? Это должна быть высокая толстая стена, которая перегородила бы все ущелья. А кто соорудит эту гигантскую стену? Создать ее может взрывчатое вещество — аммонит.

И вот уже готов проект, и в ущелье пришли экскаваторы. Они работали тут недолго: прогрызли слой мягкой почвы

на склонах гор, обнажили каменное тело скал и отошли в сторону. Теперь за дело принялись бурильщики. Длинными бурами они стали высверливать в скалах дырки. В дырки закладывали аммонит и производили взрывы. Так в горах возникли туннели, похожие на туннели метро.

Их пробито несколько. Они уходят уже глубоко в недра гор. А их делают еще глубже.

Туда, в самую глубину, в камеры, просторные, как залы, завезут взрывчатку. Ее потребуется много: десять железнодорожных эшелонов, целых десять тысяч тонн!

Взрыв под Алма-Атой будет самым мощным взрывом, какие когда-либо производились на земле. Он сдвинет две горы, завалит ими ущелье. Гигантская стена будет принимать на себя удары грязевых потоков и навсегда гасить их в горном ущелье, вдали от Алма-Аты.

Этот небывалый взрыв грянет скоро. Читайте о нем в газетах!

НА ЗЕМЛЕ

*В. Байдерин
Алма-Ата*

РИСУНКИ НА АСФАЛЬТЕ

Виктор Голявкин

Рисунки автора

ВЕЛИКИЕ МАСТЕРА

— Я вам сейчас покажу великих мастеров, — сказал Петр Петрович. Он взял с полки альбом.

— ...Попал я с фронта в Ленинград. Нева во льду. Метель метет. Блокада. Иду я по Неве к Академии художеств. Захожу в вестибюль. Печурка. Сидят люди, греются. Худые, бледные лица. Сидят, греются и молчат. Я говорю: «Хочется мне повидать своего учителя Осмеркина. Я у него до войны учился. Как бы мне повидать его?» Мне говорят: «Повидать его можно, только он недавно в Эрмитаж ушел». «Бросьте, — говорю, — тут шутки шутить, какой тут может быть Эрмитаж! Кругом один голод и холод». Мне спокойно говорят: «Он очень любит великих мастеров смотреть. Вы его еще догоните. Он медленно ходит»... Догоняю его. Еле-еле с палочкой идет он по широкой набережной. Снег вокруг метет что есть силы. И шарф его, помню, по ветру трепещет... Вгляделся он в меня и говорит: «Петечка, ты? Очень рад, что я тебя встретил. Мы сейчас с тобой великих мастеров пойдем смотреть...»

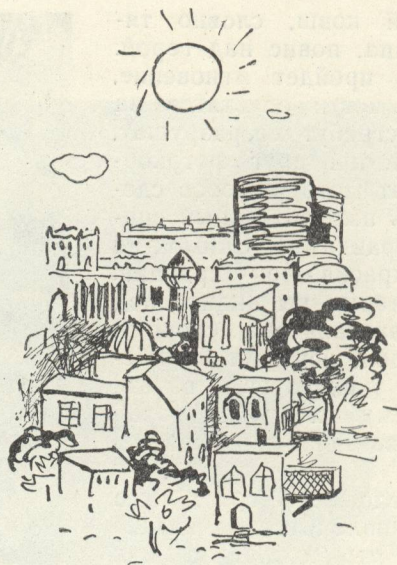
Петр Петрович ходил из угла в угол.

Мы рассматривали альбом с великими мастерами.

Петр Петрович говорил:

— Рембрандт! Запомните это имя! Эти руки старухи... целая жизнь человека в этих руках!.. Такие руки мог написать только Ремб-

Окончание. См. «Костер» № 7, 1964.

рандт!.. Его автопортрет... старик Рембрандт улыбается... прищурившись, смотрит на нас... Рембрандт стар. Но он помнит те времена: толпится знать Амстердама в его мастерской... гогочут и возмущаются... не нравятся им, как Рембрандт их изобразил! «Посмотрите на свои свиные рожи, — говорит им Рембрандт, — и вы увидите, что я прав!» Рембрандт видел их такими, какие они на самом деле. Скандал! Тычут в картину палками... Он не стал свою картину исправлять, не стал... Вот почему старик Рембрандт улыбается. «Хе-хе! — говорит он. — Не удалось вам меня провести...»

— ...Делакруа! Чистый цвет! Романтика!.. «Охота на льва!..» Дерущиеся лошади! «Марокканская фантазия!» Несутся всадники на фоне гор... Лодка в бушующем море... У этого человека было солнце в голове и буря в сердце! Запомните это имя!

— Рафаэли!.. Гениально!.. Линии поют... благородство, человечность, красота... Великие

мастера! Великое искусство! Запомните их имена!.. Я понимаю, все это слова... тут просто словами не объяснишь... Кстати, сравните «Мадонну Сикстинскую» вот с этой, другого художника... и все не то. Не то все! Не то! В том-то и дело... хотя и тут все правильно, все нарисовано... такие сравнения полезны... Они вносят ясность. Ведь все относительно, а Рафаэль — вершина! К вершине и нужно стремиться!..

— ...Запомните это имя! Тинторетто! Удивительно! Потрясающе!.. Когда Суриков был в Венеции, он там увидел холсты Тинторетто. «Я слышу свист мантий!» — воскликнул Суриков. Высочайшее мастерство... все в холсте словно движется... все как будто просто... кажется, вот возьмешь кисть... и сам напишешь точно так же... до того все кажется просто. Не видишь труда... не думаешь о том, как это трудно... Написано сердцем, вот в чем дело! И начинаешь верить, глядя на Тинторетто, что когда-нибудь сам возьмешь и напишешь вот так, как захочешь... Гений не подавляет. Не бьет по башке, как это думают некоторые... он вливает в тебя бодрость духа... это удивительно!

— ...Рублев! Запомните это имя!!!

Петр Петрович говорил откуда-то из угла комнаты. Будто он говорил сам себе. Некоторые слова он выкрикивал, а некоторые говорил тихо. Картины были замечательные, это

верно. Но я не видел, чтобы пели линии. Не видел, чтобы в холсте у Тинторетто что-нибудь двигалось. Не мог я понять, почему только один Рембрандт мог написать такие руки! Алька тоже не видел этого. Хотя он повторял «да, да!» — словно он понимал все. А между тем, думал я, наверное, все это есть там, в этих картинах. И линии там, наверное, поют, и люди у Тинторетто движутся, и мантии свистят у Тинторетто. Все это, наверное, есть там, раз Петр Петрович видит это, а я не вижу...

— ...При жизни он не был известным... вот что любопытно... очень любопытно... древнерусские художники даже фамилий своих не подписывали на своих работах... Какое имеет значение в конце концов, кем эта работа сделана? Важно, что она сделана!..

— ...Александр Иванов! Запомните это имя!

...Но этот кубик и квадрат!..

Петр Петрович похлопал меня по плечу.

— ...Нужно воображать!

Он опять похлопал меня по плечу.

— Понятно? — спросил он.

— Понятно, — сказал я.

Я сказал это так тихо, что он, наверное, не слышал.

Когда мы с Алькой уходили, я вдруг вспомнил, что хотел спросить: что это за малые голландцы, которые оттачивали селедочные головы...

Хотел спросить и не спросил.

СОН

Таинственно освещенный Рембрандт вышел из коричневого тумана. Перо на шляпе светилось в тени.

Я сел на кровати и спросил:

— Скажите, пожалуйста, вы рисовали на асфальте?

...Улыбнулся Рафаэль в пространстве...

...Рембрандт улыбнулся Рафаэлю...

...Вихрем на коне пронесся Эжен Делакруа...

Что-то зазвенело и затрещало. Из-за этого звона и треска никто не услышал меня. Старший сын Петра Петровича шел напролом

через что-то твердое, которое гнулось и трещало. И это твердое было пространство. В одной руке старший сын Петра Петровича держал кубик, а в другой — красный квадрат. Он старался протиснуть квадрат в какое-то отверстие в пространстве...

Я спросил в третий раз то же самое.

Старший сын Петра Петровича втискивал свой квадрат, и треск стоял ужасный. И опять меня не было слышно.

Издали донесся голос Петра Петровича:

— Запомните их имена!..

Засвистел ветер со страшной силой. Улетел старший сын Петра Петровича куда-то вдаль. В вихре кружились квадрат и кубик.

— Подписывать фамилии вовсе не обязательно! — сказал громкий голос Рублева.

Рембрандт проткнул квадрат шпагой.

Тинторетто, закутанный в плащ, сел на кубик.

— Мильдиди! — смеялся младший сын Петра Петровича. Он смеялся тоненько, как колокольчик.

Проплыл в воздухе молоток.

— Я должен иметь свое я! — орал откуда-то сверху старший сын Петра Петровича.

— Скажите, кто из вас рисовал на асфальте? — спросил я.

И опять меня не было слышно. Старший сын Петра Петровича так орал про то, что он должен иметь свое я! Только его было слышно.

Ворвался яркий свет. Как будто мама утром отдернула штору.

Все стали уходить. Рафаэль обнявшись с Рембрандтом. Делакруа обнявшись с Тинторетто...

Откуда-то сверху грохнулся на квадрат старший сын Петра Петровича. Квадрат развалился вдребзги.

Смеялся младший сын Петра Петровича, как колокольчик.

Больше не было треска. Была тишина. Только звенел колокольчик. Все тише и тише...

КОБАЛЬТ ФИОЛЕТОВЫЙ

Старший сын Петра Петровича стоял в коридоре. А я как раз вышел из класса. Он позвал меня:

— Послушай, ты не знаешь, где мой отец?

Я ему не хотел сначала отвечать, а потом говорю:

— Не знаю.

— В каком он классе сейчас, ты не знаешь?

— Не знаю, — говорю.

— Послушай, — говорит, — у тебя, кажется, целый склад рам. Это правда?

— А что? — говорю.

— Значит правда, — говорит. — Давай меняться. На масляные краски. Я тебе красок дам. А ты мне раму. Очень мне, до зарезу, вот так, рама нужна. Нужно мне портрет отца в раму вставить. В раме он совсем по-другому смотреться будет. Рама это все равно что платье для человека... да ну, ты все равно ничего не понимаешь, что с тобой разговаривать...

Я хотел уйти, а он меня остановил.

— Да ладно, — говорит, — подожди ты. Будешь меняться или нет? Напишешь масляную картину. Что, плохо, что ли? Очень даже хорошо. Я, понимаешь, хочу у отца деньги попросить. Для этого-то, собственно говоря, я и пришел сюда. Раму, понимаешь, нужно мне купить. Да он может не дать мне денег. Да, может, у него и нету. Ты не знаешь, где мой отец?

Насчет красок я здорово задумался. Настоящая масляная картина... Великие мастера...

— А сколько ты мне красок дашь? — спрашиваю.

— Пойдем, — говорит, — посмотрим твои рамы.

— У меня, — говорю, — урок должен быть.

— Да плюнь ты, — говорит, — на урок, раз такое дело.

— Я так не могу, как же я так могу...

— Чего-нибудь скажешь, зуб, скажешь, болел, или там печенка, селезенка, подумаешь!

— Как же я так, я так не могу...

— Никудышный ты человек, — говорит. — Масляные краски. Большие такие тюбики.

Разные цвета. Синие, оранжевые, зеленые...

— А кисточки у тебя есть? — говорю.

— Найдется, — говорит. — Какая-нибудь облезлая кисточка найдется.

Ему, видно, очень рама была нужна. Он меня все-таки уговорил. Я еще никогда в жизни с уроков не уходил. А тут взял и ушел.

Мы с ним прямо к нам пошли.

Отца с матерью не было, он по всей квартире ходил и орал:

— Шикарно живешь, кочерыжка! Шикарно!

— Почему шикарно? — спросил я.

— Площадь! — орал он. — Площадь! Шикарная площадь! И нет стариков.

Он стал рассматривать рамы.

Выбрал одну. Измерять стал. Подойдет ли она к его портрету.

— Так сколько тебе красок? — спросил он.

— Все цвета, — сказал я.

Он присвистнул.

— Много, — сказал он.
 — Мне нужны все, — сказал я. — Или мне ничего не нужно.
 — И кобальт фиолетовый? — спросил он.
 — И кобальт фиолетовый.
 — Не могу, — сказал он, — все краски, кроме кобальта фиолетового.
 Если бы он не сказал мне про этот кобальт, я бы не стал его требовать. Я и не слышал даже, что такая краска на свете есть. Но раз ему так жалко этот кобальт, значит, это самая красивая, самая замечательная краска... Он вздохнул.

— Ну, ладно, — сказал он. — Половину кобальта фиолетового.

Он опять вздохнул.

— И зачем тебе этот кобальт фиолетовый сдался, не пойму.

— А тебе он зачем сдался?

— Мне он вот так, понимаешь, по горло нужен...

— И мне нужен, — сказал я.

— Ни черта он тебе не нужен, — сказал он.

Вот, думаю, хитрый человек! Ему, видите ли, нужен этот кобальт, а мне не нужен? Интересно, почему это он ему так понадобился? Неужели без этой краски обойтись нельзя? Наверное, нельзя, раз он так за эту краску цепляется.

— Вполне ты мог бы обойтись без этого кобальта фиолетового, — сказал он.

— Нет, — сказал я. — Не мог бы.

Он все рассматривал раму.

— Нету ли у тебя какой-нибудь маленькой палитры? — спросил я. — Может быть, у тебя есть какая-нибудь маленькая палитра?

— Ничего у меня нет, — сказал он.

— Где же мне взять палитру?

— Фанерку. Возьми фанерку. И все.

— А чем я буду краски разводить?

— Какое мне дело, чем ты будешь краски разводить!

— Как же мне их разводить?
 — Керосином, — сказал он. — Из керосинки.
 — И все? — спросил я.
 — И все.
 — А кисти?
 — Что кисти?
 — Где мне взять кисти?
 — Какое мне дело? Какое мне до этого дело! — заорал он.
 — Но где же мне взять их?
 Он почему-то стал говорить мне на ухо:
 — Клок волос. Своих собственных. Подравнять. Подстричь. перевязать. Ниточкой. На

палочку. И все! Понял? Секрет. Ясно? Что я буду иметь за это изобретение?

— Выходит, я тогда сколько угодно кистей могу сделать?

— Сколько угодно, — сказал он. — Собственный завод.

— И это все? — спросил я.

— Все.

— А холст?

— Что холст?

— Где мне взять холст?

Он захихикал:

— Какое мне дело! Боже мой, какое мне дело!

— Но где же мне взять его? — Я на него просто умоляюще посмотрел. Не знал я, где эти холсты берут. Он-то знал ведь. Он мог ведь сказать.

— Картонку, — сказал он, — возьми картонку. Промажь ее клеем. Столярным. И все.

Мы взяли раму и пошли к ним. Я подождал внизу, а он мне вынес краски. Может быть, были не все цвета, но кобальт фиолетовый там был. Это я сразу проверил. Я отвинтил крышечку тюбика и выдавил этот кобальт на палец. Вот это краска! Сиреневая-сиреневая! Жуть какая красивая. Теперь-то я понимаю, почему он мне эту краску давать не хотел.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Когда я стригся в парикмахерской, меня спросили:

— Это ты в том окне живешь?

Я удивился и сказал:

— Я.

— Что ты там все время крутишься и руками машешь?

— А разве видно? — спросил я.

— Еще бы!

— Я картину пишу, — сказал я. — Два дня я пишу картину. Но у меня пока не очень получается.

Я здорово, наверное, вертелся вокруг своей картонки. Махал кистью так, что вся стена стала в брызгах. Тряпкой крутил, как пропеллером. Разбегался и — бац! бац! — крас-

— Летучего голландца, — сказал я.

— Ну-ну.

— Трудная работа, — сказал я.

— Ну-ну.

Он стриг меня и улыбался. Может быть, он не верил, что я картину пишу.

— Ну все, — сказал он. — Иди. Пиши свою картину.

ку! Прямо с разбегу мазки клал. Должна же быть у меня буря в сердце, как у того, Делакруа! Он тоже, наверное, не стоял, как дохлый, возле своей картины. Он, наверное, так же, как и я, на месте не мог устоять.

— Как юла, — сказал парикмахер, — крутишься ты, как юла.

— Сейчас кручусь? — спросил я.

— Да нет. В окне крутишься. Целый день крутишься. Чего это, думаю, там крутится? Что бы, думаю, это могло быть?..

— Картину пишу, — сказал я.

— Теперь-то я понял.

Тут я его и спросил:

— Волосы вам нужно?

— Какие волосы? — удивился он.

— Мои, — говорю.

— Ничего не понимаю, — говорит.

— Вот эти, мои собственные, с моей головой... — и на пол пальцем показываю.

Он пожал плечами и говорит:

— Совершенно не нужно. Бери сколько твоей душе угодно, любые волосы с любой головы.

Я помчался домой. Это мама меня от картины оторвала. Иди, говорит, стригись. Как будто я в другой раз постричься не мог.

Когда творческого работника от работы отнимают, это самое страшное дело. Нам Петр Петрович рассказывал, как одного ужасно талантливого художника от работы отвлекали. Друзья его все время отвлекали от работы, и всё. И он с ними отвлекался. Так потом он погиб. То есть сам он не погиб. Талант его погиб. Погубили друзья человека. Они его, представьте, водкой все время угощали. Вот ведь какие друзья были, а? Не дай бог мне таких друзей иметь в своей жизни...

...Море синее и зеленое. Никогда я не думал, что столько красок пойдет на это море. А посреди корабль кобальтом фиолетовым. Весь кобальт фиолетовый всадил я в этот корабль! Это Летучий Голландец. Кто это мне рассказывал про Летучего Голландца? Страшное там дело было... Куда-то исчезла команда. Один корабль остался. Вздуты его паруса на ветру. Кренятся мачты то вправо, то влево. Скрипят удивленные снасти. Болтаются веревочные лестницы. Мчится по волнам Летучий Голландец.

Я глянул в окно. Парикмахер смотрел на меня. Он сидел на скамеечке возле парикмахерской и смотрел вверх. Я помахал ему. А он мне. К нему подошел мальчишка. И он с ним ушел в парикмахерскую.

Никак у меня волны не получались, вот что плохо. Я слышал, что когда не получается, всю краску соскоблить нужно. Снять краску ножом. Я так третий раз уже сделал. Всю краску снимал. И снова начинал.

И тут я увидел, что красок-то у меня больше нет. Кончились у меня все краски.

В это время отец подошел. Он все время ко мне подходил.

— Я думаю, — сказал он, — у художника должен быть какой-то метод.

— Какой метод? — спросил я.

— В любом деле, — сказал он, — должен быть метод.

— Мне нужны краски, — сказал я. — Мне еще нужны краски. Не купишь ли ты мне еще красок?

— А ты их намажешь на эту картонку, — сказал он, — снимешь ножом и выкинешь?

— Так все делают, — сказал я. — Все художники так делают. Если у них не получается, они эту краску снимают...

— У них-то есть метод. Не может быть, чтобы у них этого метода не было...

— Но где же мне взять его?

— Раз у тебя нет метода...

— Если бы у меня были краски! — сказал я. — Я бы непременно написал это море... и Летучего Голландца. У меня бы это все отлично получилось...

— У тебя нет метода, — сказал отец, — ничего бы у тебя не получилось.

Я глянул в окно. Этот парикмахер стриг того мальчишку. Не пойду я больше стричься в эту парикмахерскую. Пойду где-нибудь в другом месте постригусь. Спросит он у меня про мою картину, что я ему отвечу?

А утром придет ко мне Алька. Он сразу утром примчится. Он непременно примчится!

Он пишет автопортрет. Сидит сейчас перед зеркалом и пишет себя масляными красками. Он, наверное, думает, что он Рембрандт! Он, наверное, так же, как Рембрандт, улыбается в это зеркало. И тень у него, наверное, такая же на лице. И беретку, наверное, на голову надел, как у Рембрандта...

ОЛИВ НИВС

Отец ходил с этим письмом по всем соседям.

— Кто может читать по-английски? — говорил он. — Кто может перевести? Как жаль, что я не умею читать по-английски!

— А что такое? — спрашивали соседи. — Что случилось?

— Моему сыну письмо из Англии! Как вы на это смотрите? Ему прислали письмо из Англии! Лично ему. Что вы на это скажете?

Соседи ничего не могли сказать. Они удивлялись.

Я получил письмо из Лондона.

Я ходил за отцом и никак не мог понять, с какой это стати присылают мне письма из Лондона.

Тетя Регина привела какого-то старичка.

— Вы читаете по-английски? — спрашивал его отец. — Вы хорошо читаете по-английски?

— Да, я читаю по-английски, — сказал он, надев очки.

— А вы можете перевести? — спросил отец.

— Да, — сказал он, — я могу перевести, как это ни странно.

— В этом нет ничего странного, — сказал мой отец.

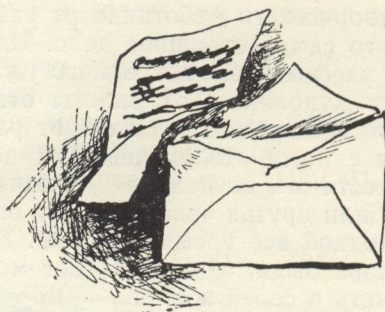
Все пошли в нашу квартиру.

Старичок взял письмо и стал читать. Он немного прочел по-английски, а потом по-русски сказал:

— Значит тут... вот... ага... так... ясно...

— Ничего не ясно! — сказал мой отец. Ему не терпелось скорее узнать, что там пишут мне из Лондона.

— Сейчас... — сказал старичок, — ага...
— Ну, так что же там такое в конце концов? — закричал мой отец. — О чем это там? Что там написано, черт подери!
— Дай ему прочесть, — сказала моя мама.
Старичок снял очки, посмотрел на моего отца и сказал:
— Совершенно верно. Дайте мне прочесть. — И снова надел очки.
— Да читайте вы... — сказал отец.

Старичок читал про себя. Потом он кончил читать и сказал:
— Это письмо пишет девушка, то есть девочка... она... гёрл, то есть девочка... живет, как я понимаю, в Лондоне... и... само собой разумеется, пишет вашему сыну письмо...
— Английская девушка? Моему сыну? Этого не может быть! — сказал отец.

На отца моего закричали, и он замолчал.
— Она пишет... что видела... одну минутку... ага!.. видела на вернисаже... ну да... на выставке, вероятно... Совершенно правильно, на выставке какую-то картину... вероятно, вашего сына... вот именно, картину вашего сына!..

Я чуть с ума не сошел, когда это услышал. Это, наверное, не мне было написано, что ли? Откуда там могла моя картина висеть, ерунда какая-то...

— ...ну так вот, я читаю дальше... Она... Тут ясно сказано... восхищена этой замечательной картиной... и так как она сама рисует... и еще у нее есть два кролика... Билл-черный и Чарли-белый... Эти кролики...

— Какие кролики? — сказал мой отец. — Чушь какая-то...

— ...вот именно кролики, — сказал старичок.
— Читайте, читайте! — закричали все.

— ...она восхищена... нашими мужчинами... да-да... вот именно... которые сдерживали неслетные орды... полчища, вернее... рвавшиеся на нашу землю...

— Это толково, — сказал отец, — очень даже толково! — Он посмотрел на мать.

— ...и еще она очень хотела бы... да... хотела бы увидеть русскую зиму... и русский снег... и... вот именно... автора этой замечательной картины.

— Увидеть снег? — сказал мой отец. — В Баку? Это невозможно!

На отца опять закричали.

— ...она хорошо учится... в колледже... шлет привет всем мальчикам и девочкам... Англия... Советский Союз... короче говоря, должны жить в мире... ее зовут Олив Нивс...

— Олив Нивс! — сказала моя мама. — Это очень красиво!

— Олив Нивс! — сказал мой отец. — Звучит!

— Олив Нивс! — сказал старичок. — Вот именно!

Потом все ушли, очень удивленные, и смотрели на меня, и старичок тоже снял очки, посмотрел на меня и сказал:

— Олив Нивс, милый мой, Олив Нивс!!!

Я, конечно, не понял, что он хотел мне этим сказать. Я вообще ничего не понял. Я опять стал здорово моргать. Так я, наверное, еще никогда не моргал, как в этот раз.

Когда все ушли, отец сказал мне:

— Подойди-ка сюда. И не ври. Будь честным человеком. Речь идет о капиталистической стране. Не увливай. Выкладывай-ка все начистоту. Что это значит?

— Ничего не значит, — сказал я. — Откуда я знаю, что это значит?

— Не увливай, — сказал он. — Выкладывай-ка все начистоту.

— Чего выкладывать? — сказал я.

— Все, — сказал он.

— Мне нечего выкладывать, — сказал я.

— Значит, не хочешь выкладывать? — сказал он.

— Оставь его в покое, — сказала мама. — Это его дело. Его разговоры с этой девушкой. Вечно ты в чужие разговоры влезашь!

— Девушкой! — закричал отец. — Какой девушкой? Английской?

— Не все ли равно, — сказала мама.

— У меня никогда не было никаких знакомых английских девушек, — сказал отец.

— Очень напрасно, — сказала мама.

— Ах вот как! — сказал отец. Он размахивал этим письмом. — Капиталистических девушек у меня не было, это верно! И никаких писем из разных там Америк, Англии, Бразилии я не получал!

— Помолчи ты, — сказала мама.

— Могут быть неприятности... — сказал отец. Он бросил письмо на стол.

— Неприятности могут быть только с тобой, — сказала мама.

Я потихоньку выскочил во двор.

Я сел на ступеньку и так сидел долго.

На другой день утром мне принесли письмо из «Пионерской правды»:

Дорогой друг! Сообщаем тебе, что твою акварель «Танки врываются в родной город»,

присланную на конкурс, мы отослали в Англию на выставку, посвященную англо-советской дружбе. Желаем тебе творческих успехов!

ВТОРОЙ ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

В этот раз я писал на холсте. Кусок мешка я натянул на табуретку. Не очень-то хорошо у меня получилось. Сначала я его на ножки натянул. Так он у меня совсем не натянулся. И я его на днище натянул.

Отец после этого английского письма мне краски купил. Целую коробку масляных красок.

— Хотя у тебя и нет метода, — сказал он, — но будем надеяться, что он появится...

— Писать картины лучше на площадке, — сказала мама.

Я вынес табурет на площадку.

Держа в одной руке фанерку с выдавленными красками, а в другой — кисти из собственных волос, — я прошелся по нашей площадке.

— Витя, ты что, художник? — удивился дядя Садых.

— Не мешайте, — сказал я, — это дело серьезное...

— На нашей площадке самые серьезные люди живут, — сказал дядя Садых. — Я и Витя — самые серьезные...

Все расступились. Я подошел к холсту.

Я начал писать второго Летучего Голландца.

Уж на этот-то раз я напишу этого Летучего Голландца!

Соседи говорили:

— Зачем краски-то столько накладываешь?

— Сколько стоит одна такая краска?

— Такую картину на базаре не продашь...

— Не толкайте его, не толкайте!..

— Отойдите от него, отойдите!..

— Не мешайте ему, не мешайте!

— Красиво-то, красиво получается!

— Где красиво получается?

— Кораблик получается!

— Где кораблик получается?

— Глядите, глядите!

— Смотрите! Смотрите!

— Не брызгай на меня! (Это я им уже мешать стал!)

— Не махай так своей тряпкой!

— Отойдите, — сказал я, — я должен издали посмотреть.

Я отошел от картины.

И так и этак смотрел. Наклонял голову то в одну, то в другую сторону. Щурился. Складывая пальцы в трубочку и смотрел в дырочку.

Соседи молчали.

Они тоже складывали пальцы в трубочку и смотрели в дырочку.

— А кто его знает, может быть, потом доску прибьют на наш дом. Здесь, скажут, в этом доме жил знаменитый художник Витя Стариков...

— Как же, прибьют, ждите...

— Если про него прибьют, то про меня тоже прибьют, — сказал дядя Садых.

— Художник — это интересно...

— У меня был брат художник, потом он утонул...

— Художники — они здорово зарабатывают...

— У меня был дядя, он себе мотоцикл купил...

— Смотря какой художник...

— Вот только краски пахнут...

...У меня, по-моему, неплохо получилось. Кое-где краски жидко ложились, а кое-где густо. В одном месте прямо настоящее море получилось. Жалко только, не было кобальта фиолетового. Значит, не в каждой коробке бывает кобальт фиолетовый...

И соседи меня хвалили.

Я понес табурет в комнату, Я был уверен, что я написал выдающуюся картину.

— Взгляни на себя в зеркало, — сказала мама.

Я взглянул на себя.

Лицо мое было красным, синим и фиолетовым...

ПАЛИТРЫ НА СТЕНАХ

— Пройдитесь после уроков по всему городу, — говорил Петр Петрович, — и сотрите эти палитры!

Это мы с Алькой ходили по городу и мелом рисовали на стенах палитры. А внутри палитры писали: Витя!

Алик!
Рублев!
Иванов!
Тинторетто!
Делакруа!
Рафаэль!
Рембрандт!

Мы, конечно, знали, что писать на стенах не очень хорошо. Мы это знали. Но как-то не думали.

— Если каждый будет, — говорит Петр Пет-

рович, — писать на стенах свои имена... Я понимаю ваше желание увековечить себя, так сказать, закрепить свои имена... Несколько преждевременно... не совсем, я бы сказал, благородные порывы... Мне завуч говорит: «Это не ваши там стены разрисовали?» Я говорю: «Нет, это не наши». Я думаю, мы с вами сами в этом разберемся... сотрите, пожалуйста, эти палитры...

Потом он сказал всему классу:

— Кругом столько этих палитр... не так-то легко от них избавиться... Может ты, Кафаров, поможешь?

Кафаров молчал. Видно было, что он совсем не хочет помогать.

Встала самая маленькая в нашем классе Кира Велимбахова и тоненьким голосом говорит:

— Я помогу.

— Не надо нам помогать, — говорю.

— Тогда сделаем так, — сказал Петр Петрович. — Каждый, идя в школу или из школы, наверняка встретится хотя бы с одной палитрой. Я вас прошу — сотрите ее, вот и все. Я и сам это сделаю, когда буду проходить мимо.

— На нашей парадной нарисована такая палитра, — сказала Тася Лебедева.

— Вот, вот, — сказал Петр Петрович, — ты ее и сотри!

— Очень надо! — Тася Лебедева посмотрела на нас. — Они будут рисовать, а я буду стирать?

— Они поняли свою ошибку, — сказал Петр Петрович, — они все поняли.

— Пусть сами стирают, — сказал Кафаров.

— Какие вы, ребята! — сказал Петр Петрович. — Почему я могу стирать, а вы не можете?

— На нашем парадном две палитры нарисовано было, — сказал Костя Шило, — а после их дворник стер.

— Создают дворникам работу! — сказал Петр Петрович.

— Пусть староста сотрет эти палитры, — сказал кто-то.

— Вот еще! — сказал староста.

— На нашем доме нет никакой палитры, — сказал Киришбаум.

— Ну ладно, — сказал Петр Петрович. — Хватит, этот разговор у нас затягивается. Он приобретает нелепый оттенок. Кстати, — он обратился ко мне, — сколько приблизительно этих палитр вы нарисовали?

— Штук сто, — сказал я.

— Может, двести, — сказала Алька.

— Безобразие, — сказал Петр Петрович, — форменное безобразие! Вы что же, выходите, не один день их рисовали!

— Не один, — сказал я.

— Каждый день, — сказала Алька.

— И давно вы начали эту кампанию?

— Не помню, — сказал я.

— Не помним, — сказала Алька.

— Вот уж не ожидал от вас, — сказал Петр Петрович. — От вас я этого не ожидал...

— Мы сотрем, — сказал я.

— И я так думаю, — сказал Петр Петрович.

О палитрах больше не говорили.

— Великие мастера любили монументальное искусство! — говорил Петр Петрович. — Они любили размах. Размахнуться, как говорится... Росписи Рафаэля, Тьеполо, Рублева, Микеланджело, Тинторетто... это громадные произведения... запомните их имена!.. Микеланджело! Запомните это имя! У него была кривая шея. Он всю жизнь расписывал потолки и стены, не говоря уже о скульптурах... Попробуйте задрать вот так голову... вот таким образом... и держать ее в таком положении. А он именно держал ее в таком положении!.. А лежать на спине часами? Лежать на лесах и смотреть в потолок? Это не шутки, я вам скажу! Запомните это имя!..

После уроков мы пошли стирать свои палитры.

Не так-то легко было стереть их. Не стирались они, вот в чем дело. И тряпку мы взяли из класса. И терли вовсю. Не стираются! Две палитры мы стерли. Кое-как стерли. Два часа терли. Во двор бегали. Тряпку мочили. Рисовать-то их гораздо легче было.

— Да ну их! — говорит Алька.

— Неудобно, — говорю.

— И зачем мы их только рисовали! — говорит Алька.

Какой-то старик остановился, стоит и смотрит, как мы их стираем.

Смотрел, смотрел, потом спрашивает:

— И сколько вам за это платят?

Мы ему ничего не отвечаем и продолжаем стирать.

Он говорит:

— Не хотите ли вы сказать, что вы это делаете бесплатно?

— Мы ничего не хотим сказать, — говорит Алька. — Понятно?

Он говорит:

— Понятно. Но не совсем. — Надел очки и опять стал смотреть. Вздыхнул и говорит: — Кажется, я вас с кем-то спутал. — Покачал головой и ушел.

Он ушел, какая-то собака стала на нас бросаться. Бросается и бросается, как будто мы

ее трогаем. Когда мы эти палитры рисовали, ничего такого с нами не приключалось. Один раз только Альке по шее дали. И все. За то что на стенах мажем.

Кое-как хозяин этой собаки ее увел.

Он ее увел, дети стали собираться. Собираются и собираются. «Почему?» «Отчего?» «Зачем?» — и разные другие вопросы задают. Здорово они нам на нервы действовали. Алька им кричит:

— Что здесь, цирк, что ли?

Они назад.

Только мы стирать собираемся, они опять вперед.

— А что, — говорят, — нельзя, что ли?

Алька говорит им:

— Вы что, в школу еще не ходите?

— Не ходим, — говорят.

— Ходили бы в школу, — говорит, — не околачивались бы тут!

— Это верно, — говорят, — не околачивались бы. — И не уходят.

В это время мне мысль в голову пришла.

— Хотите стирать? — спрашиваю.

Они как заорут все вместе:

— Хотим!

Оторвал я им половину тряпки.

— Вот вам тряпка, — говорю, — стирайте. Задание вам такое дается.

— Спасибо! — кричат.

Они этого как будто и ждали.

Алик мне говорит:

— Давай им свои тряпки отдадим. Пусть они все стирают. Пусть они ходят и стирают.

Отдали мы им наши тряпки.

Они так были рады, как будто мы им игрушки дали.

— Как увидите, — говорит Алька, — вот такую палитру — стирайте ее немедленно!

— Сотрем! — заорали малыши.

— И другим скажите, пусть тоже стирают.

— Скажем! — заорали малыши.

— Ура! — крикнул Алька.

— Ура! — заорали малыши.

И мы с Алькой отправились по домам.

ВЫСТРЕЛ

Подходит ко мне на улице Ыгышка и говорит:

— Послушай, хочешь я тебе уши отверну?

Ни с того ни с сего вдруг подходит. Такие вещи мне говорит. Зло меня взяло ужасное.

— За что? — говорю.

— Ыгы! — говорит.

— Чего? — говорю.

— Художник! — говорит. — Тоже мне, художник!

— Тебе что? — говорю.

— Отверну, — говорит, — уши и все. Ыгы.

Ну чего ему сказать? Совершенно не знаю, чего ему сказать. Смотрю на него и ничего не говорю.

— Свои рисуночки даришь? — говорит. — Ыгы?

— Какие рисуночки?

— Сам знаешь! — говорит.

— Не дарил, — говорю я, — никому никаких рисуночков.

— Ыгы, — говорит, — понятно. А Лебедевой тоже не дарил?

— Отстань, — говорю.

— Ыгы, — говорит, — как раз!

Я хотел уйти, а он мне дорогу загораживает.

— Клянись, — говорит, — что больше рисуночков своих дарить не будешь.

— Захочу буду, а захочу не буду. Какое-твое дело? — говорю.

— Ыгы, — говорит. — Здесь не ходи. И там не ходи. Нигде здесь не ходи... А то Ыгы. Ясно? Не встречайся мне. Ясно? Ыгы.

— Ясно, — говорю. Что я еще ему сказать могу? Ходить, конечно, я здесь все равно буду. Где же еще ходить! Негде мне в другом месте ходить. Что же мне — школу из-за него бросать, что ли? Дороги-то ведь другой нету. Глупости он, конечно, говорит. А неприятно. Очень все-таки неприятно, я вам скажу, когда вот такой здоровенный тип на дороге встречается. И завтра встретит. Неприятности у меня, неприятности. Я шел и думал про эти неприятности. Да только чего тут придумаешь! Не буду же я маме жаловаться. Или там папе. Никому не буду жаловаться. Не люблю я эту манеру, жаловаться.

Так я ничего и не придумал. Иду опять в школу этой же дорогой. Идти мне, конечно, неприятно. Выскочит сейчас этот тип здоровенный. С этим своим «ыгы». Очень все это нехорошо получается. Другие люди как-то живут, ничего себе. Никто им на дороге не встречается. Ходят они себе спокойно. И ни о чем таком не думают...

В это время мне кто-то гайку в спину кинул. Здоровенную такую гайку. Так по спине трахнули, что чуть не сел.

Хотел я сначала бежать, а потом думаю: если я так каждый день бегать буду, ничего хорошего не будет. Такую гайку мне совершенно спокойно можно вдогонку кинуть.

Тут беги, не беги — все равно.

В это время этот «ыгы» выходит.

— Ыгы, — говорит, — как дела?

А его дружок в это время мне под ноги лег.

Быстро так. А этот тип меня в спину толкнул. Я сразу в пыль.

Стоят они и смеются.

— Не ходи ты здесь, — говорят. — Милостью тебя просим. Нельзя здесь тебе ходить. Не разрешается. Пропуска у тебя нету? Нету. А ты без пропуска ходишь. Ты что, шпион, что ли, без пропуска ходишь?

Разную они мне глупость стали говорить. И хохочут оба.

Я поднялся и трах портфелем по башке этому Ыгышке! Он даже не ожидал. Дружок его почему-то сейчас же убежал. А он меня за руку схватил. Ну, думаю, сейчас он мне даст как следует.

В это время учителя проходили. И он меня отпустил. Я сейчас же, конечно, бегом.

После уроков смотрю во двор. Так и есть. Ждет. А с ним двое. Меня ждут. Прогуливаются по двору. Руки в карманах. И на наше окно поглядывают.

Я к ним, конечно, не вышел. Не такой я дурак, чтоб к ним выйти. Я вылез через окно. Пошел в другой класс. Совсем с другой стороны вылез. Гляжу во двор: ходят они руки в карманах.

Я вдруг сразу решил, что мне с ними делать.

Замечательный пробочный пистолет лежал у меня дома. Лежал у меня этот пистолет в ящике. Вместе с поломанными старыми игрушками. Раньше я из него с утра до вечера стрелял. А потом надоел он мне. Из такого пистолета ничего не вылетает. Эта пробка тут же падает после выстрела. Но гремит он здорово. И огонь из дула вылетает, и дым.

Теперь-то я спал спокойно.

А утром положил я этот заряженный пробочкой пистолет в карман.

Не успел я на улицу выйти, как он у меня в кармане выстрелил. Дым из кармана во всю повалил. Какая-то старушка рядом шла, так она чуть не упала от страха.

Пришлось мне домой идти. Новой пробочкой заряжать свой пробочный пистолет.

И вот я иду по той же улице. Где мне ходить не положено. Иду я без всякого пропуска. Держу одну руку в кармане. И лежит у меня там заряженный пробочный пистолет. И никто не знает, что у меня в кармане. И они тоже не знают. Вон стоят трое. Ждут. Улыбаются. Они о том думают, как будут мне сейчас разные обидные вещи говорить. Про

разные там дурацкие пропуска. Про то, что мне здесь ходить не разрешается. Они, наверное, думают, как опять толкнут меня. И я в пыль полечу. А они будут смеяться. Не знают они, что лежит у меня в кармане!

Я подходил к ним, а они закрыли дорогу. И руки тоже в карманах держат, можно подумать, что у них там тоже пробочные пистолеты.

Я подошел к ним, остановился, пальцем их поманил и говорю:

— Идите, идите сюда...

Они удивились, друг на друга посмотрели и медленно пошли на меня. А я медленно иду назад, а руку держу в кармане. Только бы, думаю, пистолет у меня в кармане не выстрелит, как в тот раз.

Я решил их куда-нибудь в парадное завести и там в них выстрелить. Почему-то мне казалось, что нужно их обязательно куда-то завести. Очень уж я был уверен в своем пистолете.

— Идите, — говорю, — идите, не стесняйтесь...

Этот Ыгы говорит:

— Да что с ним разговаривать, ребята, чего он голову морочит...

— Идите, идите сюда, — говорю я, — идите...

Если, думаю, они на меня бросятся, я в них сейчас же выстрелю. Вытащу пистолет и прямо в них выстрелю. Очень я был в своем пистолете уверен!

Нет, они почему-то на меня не бросились. Или они что-то недоброе почувствовали, или еще что, только они вдруг остановились.

«Ыгы» говорит:

— Ты что — очумел, что ли?

— Молчи, дурак, — говорю.

Он прямо опешил.

— Вот это да! — говорит.

— Ыгышка, — говорю, — чертовая! Кочерыжка! Балаболка! Ыгышка!

Он прямо весь побледнел. Оттолкнул этих своих приятелей и говорит:

— Я с ним сейчас сам разделаюсь. Я ему сейчас его уши оторву!

А я ему говорю:

— Ишь ты, какой Ыгышка! Иди-ка ты сюда!

Если, думаю, он на меня сейчас полезет, я

в него сейчас же и выстрелю. А все-таки лучше его куда-нибудь в парадное затащить.

И я приближаюсь задом к парадному.

А он идет за мной. И лицо у него какое-то странное. Он сам как будто не может понять, в чем дело. Что-то такое он все-таки почувствовал. Потому что он не очень-то спешил. Но в парадное он все-таки вошел. А дружки его на улице остались.

Я задом поднимался по лестнице, а он за мной поднимался.

— Иди, иди, — говорил я, — иди...

Я все поднимался, а тут вперед шагнул. Навстречу ему шагнул на одну ступеньку. И пистолет свой я вытащил осторожно, чтоб он раньше времени не выстрелил. Он, по-моему, даже не заметил, когда я его вытаскивал. Он все на меня смотрел. И рот свой кривил. Пугал меня своим кривым ртом, что ли?

Тут я в него и выстрелил.

Ну и грохнул же мой пистолет! Как пушка.

Он так закричал, как будто решил, что он убитый. Лицо у него в этот момент — не объяснишь! Глаза были раскрытые, как будто сейчас выскочат. Я не очень-то на него смотрел в этот момент. Я только о том и думал, чтобы мой пистолет выстрелил. Но все-таки я заметил, какое у него было испуганное лицо.

Потом он повернулся. И выбежал.

Я вышел за ним.

Он бежал что есть духу по улице, а за ним бежали его дружки. Эта улица была длинная. И вверх. Так они мчались по ней как сумасшедшие. Как будто я вслед им еще стрелять собираюсь. Я им вслед смотрел до тех пор, пока они за углом не скрылись. Они, наверное, и там еще бежали, честное слово!

Из парадного вышел дядька. Он был в пижаме.

— Что-нибудь произошло? — спросил он.

— Ничего не произошло, — сказал я.

— А почему пахнет? — спросил он.

— Где пахнет? — спросил я.

— Серой пахнет, — сказал он, — и выстрел был. Я слышал.

— Где был выстрел? — спросил я.

— А ты не слышал? — спросил он.

— Я ничего не слышал, — сказал я.

— Странно, — сказал он, — очень странно.

И он ушел обратно в свое парадное.

ШТАНЫ

Мать постирала мои штаны, повесила сушить над газом, они свалились в огонь и сгорели. Хорошо, что не было пожара! Но я остался без штанов...

— *«На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она...»*

Я стоял в трусах, прислонившись к шкафу, вертел перед носом цепочкой от стальных часов и орал на весь дом это стихотворение.

...Мне представились поезда, которые мчатся на север... Паровозы неистово гудят... В одном поезде еду я... Настроение у меня очень радостное... Еду я в первом вагоне и на повороте вижу весь поезд, как он изогнулся дугой. Там вдали Алька, Кафаров, Тася... И даже Ыгышка... Они машут мне... А я мчусь на север. Где льды и снег. И напишу картины с северным сиянием...

*«И снится ей все,
что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна, на утесе
горючем
Прекрасная пальма растет...»*

...И все северное ушло куда-то в сторону, поезда помчались в обратном направлении — я еду в обратную сторону. Поезд блестит на солнце, как будто серебряный, и солнечные зайчики прыгают по траве и по виноградникам... И Тася, и Алька, и Кафаров встречают меня, и даже Ыгышка встречает меня со своими друзьями...

Когда стихотворение кончалось, я начинал сначала.

Очень нравилось мне это стихотворение!

Мать пошла подобрать мне штаны. А я остался. Я не мог даже с ней пойти, чтобы эти штаны примерить. Не могу же я с ней идти в трусах по всему городу! У меня были еще штаны. Мать перерыла весь дом, но штаны эти как будто в воду канули. Как будто они испарились. Были почти новые парусиновые штаны — куда они задевались? Это просто чудо какое-то, куда могли деться мои штаны?

ОКНО

Никогда еще я не видел такого красивого света в окне. И никогда я не видел такого красивого абажура. Абажур был сиреневый. А лампочка там, наверное, была красноватая. Никогда я не видел такого красивого цвета, это уж точно!

Мы с Кафаровым раза два прошли мимо этого окна. Мы всюю задирали головы, но так и не увидели там Таси Лебедевой. Свет из окна освещал деревья. Небо было черно. И дул ветер.

— Может быть, она не там живет? — спросил я.

— *«И снится ей все, что в пустыне далекой...»*

...Идут верблюды и звенят колокольчики, подвешенные им на шею... а пески, наверное, как волны... Громадные такие волны... Ветер дует, и песок стелется по этим волнам...

Какой раз уже я читаю это стихотворение! Цепочка наматывается на палец и разматывается...

Звенят колокольчики, гудят паровозы, мчатся поезда...

Очень нравится мне это стихотворение!

И вдруг я вспомнил, что из парусиновых штанов мама сшила мне курточку, которая на мне...

— Я-то знаю! — сказал Кафаров. Почему-то мне стало обидно, что я этого не знаю, а он знает.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Пойдем-ка на ту сторону, — сказал он. Мы пошли на ту сторону.

Стоя на той стороне, мы всюю глазели в окно.

— Сейчас она появится, — говорил Кафаров.

— А может, не появится? — говорил я.

— Не может быть, — говорил Кафаров.

— Откуда ты знаешь? — говорил я.

Потом мы сели.

— Мы ведь ее сегодня в классе видели... — сказал я.

— Ну и что? — сказал он.

— И завтра увидим, — сказал я.

— Ну и что?

Он даже меня слушать не хотел.

— Гляди-ка! Гляди! — крикнул он.

Там в окне что-то мелькнуло.

— Ты уверен, что это она? — спросил я.

— Конечно!

— А вдруг это ее отец?

— Да ну тебя! — сказал он. — Что же у него в волосах банты, что ли?

— Никаких бантов я не видел, — сказал я.

— А я видел, — сказал он.

— Не было бантов. По-моему, там усы были.

— Это были банты, — сказал он. — Два банта.

На окно вышла кошка. Она смотрела на нас. Как будто она специально для этого вышла, чтобы на нас посмотреть.

С соседнего балкона на кошку стала лаять собака. Кошка не обращала никакого внимания на собаку. Она, наверное, понимала, что собака не могла ее достать.

— Все-таки мы ее видели, — сказал он.

— Это мы отца ее видели, — сказал я.

— Гляди-ка! Гляди! — крикнул я.

Кто-то рукой задел абажур, и он стал слегка качаться. По занавеске заходили тени. Словно вся комната ожила. Вся комната качалась...

— Не видел? — спросил я.

— А ты видел? — спросил Кафаров.

— Не то видел, не то не видел, — сказал я.

— По-моему, я видел, — сказал Кафаров.

— Тень? — спросил я.

— Тень, — сказал Кафаров.

— На занавеске?

— На занавеске.

— А может, это не она?

— Я видел банты, — сказал он.

— Не было там никаких бантов.

Сейчас-то я видел ясно. Ему просто мерещились эти банты.

— Два банта, — сказал Кафаров, — два больших банта...

— Может, это бабушка или мать, — сказал я.

— Сам ты бабушка, — сказал он.

Он был уверен, что это была она. Он в этом был совершенно уверен.

И тут мы ее увидели.

Она быстро прошла мимо нас. Перешла на ту сторону. Махнула кошке рукой. И вошла в свое парадное. Два громадных банта качались на ее голове...

ЗАПИСКА

Младший сын Петра Петровича укусил собаку. Он пошел с мамой в магазин. Мама пошла к прилавку. А его отпустила. А около двери сидела собака. Она ждала хозяина. Младший сын Петра Петровича подошел к собаке и укусил ее. Собака страшно завизжала, а малыш испугался и заплакал. Ангелина Петровна закричала: «Уберите собаку! Она укусила моего сына!» В это время какой-то дядька говорит: «Ничего подобного! Собака не трогала вашего сына. Она спокойно сидела. Она никого не трогала! Я видел! А ваш сын подошел и укусил ее!» Все стали говорить, что не может быть, чтобы такой маленький ребенок укусил такую большую собаку. А тот дядька говорит: «Вы мне не верите? Ах, значит вы мне не верите? Смотрите, как он это сделал! Он подошел к собаке, я же видел, гражданин! Он подошел к ней вот так...» — И дядька хотел показать, как младший сын Петра Петровича подошел к собаке. В это время испуганная собака подумала, что с ней хотят что-то сделать, и она, не долго думая, укусила этого дядьку за нос. Дядька страшно заорал,

а хозяин говорит: «Зачем вы лезли к собаке? Скажите? Зачем вы к ней лезли? Она вас трогала? Не трогала! Тогда зачем вы к ней лезли?..»

Все это Петр Петрович нам рассказывал, и мы смеялись. Петр Петрович всегда очень смешно рассказывал...

— ...Если мы возьмем ИКС, — говорит Мария Николаевна, — если мы возьмем ИКС!!!

Я смотрю на доску. Совсем не вовремя мне эта история вспомнилась...

В это время рядом со мной записка упала. Я поднял ее.

Когда Мария Николаевна отвернулась, я прочел:

Ты не думай, что я на тебя обижаю. Я на тебя совсем не обижаюсь. Я завтра с отцом и матерью уезжаю. И буду учиться в другой школе. Совсем в другом городе. А на тебя я никогда не обижалась. Если бы моего отца в другой город не перевели, я никогда бы, ни за что не уехала... Тася.

— ...2450 на 1448...

Я ничего не слышу.

— ...Получая 3898... деленное... получается... прибавляя... итак... отнимаем...

Я ничего не слышу.

Смотрит на меня Кафаров.

Звенит звонок.

Я подхожу к Тасе.

— Уезжаешь? — говорю я.

— Уезжаю, — говорит она.

— Насовсем?

— Насовсем. — И улыбается, как будто это хорошо, что она насовсем уезжает!

— Ну... уезжай... — говорю.

Совсем ведь другое сказать хотел!

Она постояла, посмотрела на меня, а потом повернулась и пошла быстро.

Я вслед ей крикнул:

— Это хорошо, что ты на меня не обижаешься!!!

Но она уже, наверное, меня не слышала.

Я хотел побежать за ней.

А потом не побежал.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Петр Петрович развернул свой завтрак и стал есть яблоко. Кусок хлеба с маслом он положил на подоконник.

Я стоял за стеклянной дверью и тоже ел яблоко. Большой кусок хлеба с маслом я положил на подоконник.

Петр Петрович поднял кверху яблоко и показал на бутерброд. Он как бы говорил: какое совпадение!

Мы улыбались друг другу, и я вспоминал.

...Во втором классе я сочинил стихотворение. Я никак не мог решить, хорошее это стихотворение или нет. И стоит ли его читать? А вдруг это ужасное стихотворение? Вдруг там что-нибудь есть такое ужасное, чего я не вижу? Но в то же время, если я его не прочту никому, я так и не буду знать, что это за стихотворение. А может, это замечательное стихотворение. Что тогда? Краснея и волнуясь, я сказал Петру Петровичу: «Я написал стихотворение!» В классе были мы двое. Я специально выбрал этот момент, чтобы никого больше не было. «Это похвально, — сказал он, — прочти!» Я вышел на середину класса. Зачем-то влез на парту. Мне казалось, что стихотворения нужно читать непременно откуда-то с высоты. «Не надо на парту, — сказал Петр Петрович, — слезь, это вовсе не обязательно». Я растерянно слез. «Читай на полу, — сказал он, — это лучше». Я стал читать:

«Шел по улице портной,
Шел спокойно, шел домой,
В это время увидал:
Люди лезут на скандал...»

Он вдруг перебил меня:

— Куда, куда лезут? — спросил он.

— На скандал, — сказал я тихо.

— Зачем? — он всюю смеялся.

— Лезут и все... — сказал я.

Я не мог понять, почему ему так смешно. Он вдруг прекращал смеяться, спрашивал: — «Люди лезут на скандал?» — и опять начинал смеяться. У меня даже слезы на глазах появились.

— Ну, брат, насмешил, — сказал он.

Я обиженно молчал.

Наконец он спросил:

— Сам, значит, написал?

— Сам, — сказал я.

— Сразу видно, — сказал он.

— Что, плохо, что ли?

— Нет, почему же, — сказал он, — смешно... давай дальше.

Дальше читать я не стал. Не хотелось мне почему-то дальше читать это стихотворение...

Мне вспомнился этот случай и показалось, что он тоже вспомнил сейчас этот случай и поэтому улыбается. Сейчас-то я вижу, что это плохое стихотворение. Сейчас-то я сам это вижу...

Я взял свой завтрак с подоконника и быстро ушел. А Петр Петрович остался. Он помахал мне рукой, когда я уходил.

Два урока прошли очень быстро. Я и сам не знаю, отчего это так бывает: одни уроки быстро проходят, а некоторые тянутся.

Я поднимался по лестнице. Шел в класс на последний урок.

Сзади меня говорили:

— Такие неожиданные вещи случаются не часто...

— Нет, это ужасно... это такая неожиданность...

— Ведь только что...

— В том-то и дело...

— Прямо... знаете... просто... как вам сказать...

— Нет, вы знаете, в это поверить трудно...

— И я, представьте себе, тоже самое...

— Вы слышали, говорят, он пришел домой...

— Что вы говорите! Я этого не знал...

— Очень, очень неприятно...

— Изумительной души ведь человек...

— В том-то и дело... я и говорю...

Я сначала не очень-то слушал, что они говорят. А потом стал прислушиваться.

По коридору неестественно быстро прошел завуч Пал Палыч.

Пробежало по коридору несколько человек в одну сторону.

Я вошел в класс.

Кира Велимбахова стояла на стуле и тоненьким голосом повторяла:

— Петр Петрович умер... Петр Петрович умер...

Тася Лебедева плакала очень громко.

В класс вошла Мария Николаевна и сказала:

— Тише, ребята, тише... это большое несчастье...

Она так же быстро вышла, как и вошла, и я подумал, что она могла этого и не говорить. Совсем не обязательно было входить в класс и говорить, что это несчастье. Это и так ведь понятно...

Скрипнула резко дверь, и все повернулись. Это Тася Лебедева выбежала из класса.

Завуч Пал Палыч сказал в дверях:

— Занятия сегодня кончились...

Зачем-то не вовремя зазвенел звонок.

Все стали уходить.

«Этого не может быть, — думал я, — этого не может быть...»

Дома я сказал:

— Петр Петрович умер...

— Этого не может быть! — сказала мама.

И отец тоже сказал, что этого не может быть.

И отец и мать посмотрели в окно, как будто там, за окном, сейчас пройдет траурная процессия...

Все траурные процессии проходят мимо нашего дома. Были похороны генерала и похороны композитора. Генерал был убит на войне. Его привезли на родину с войны. Убит он был где-то на западе. Генерала везла на лафете от пушки шестерка лошадей. И было много всадников, много военных, много народу. Несметное количество венков несли за гробом композитора. Улицы колыхались как море. На балконах, в окнах и на крышах были люди. Гремела музыка, и все шло медленно...

А за гробом Петра Петровича пойдут дети, наш класс, и другие классы, вся школа.

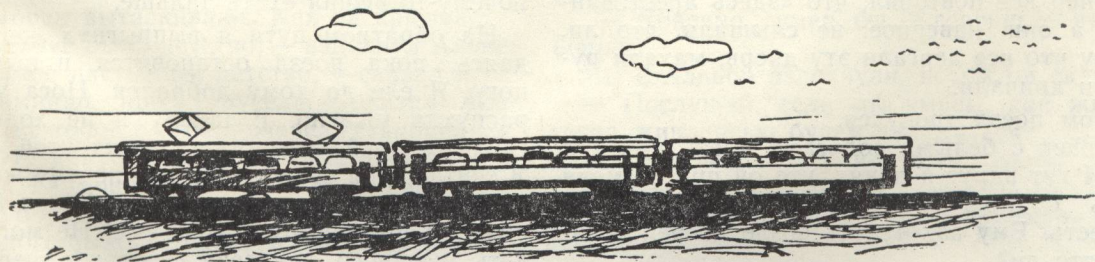
Нет, я не пойду...

В день похорон я сбежал.

Я сел на электричку. За окном помчались дома и виноградники. Я уезжал из города. Поезд мчал меня за город. Я вышел в тамбур. Сел на пол. Еще несколько парней сидело на полу. На остановке в вагон вошли двое. Один был молодой, в шелковой рубашке. Другой постарше, в милицейской форме. Когда эти двое вошли, один из парней встал. Он двинулся к двери. У него были волосы очень белые, колечками.

В рубашке сказал ему:

— Сядь.

Парень дернул дверь. Заперта. Он снова сел.

Я заметил двоих милиционеров в другом конце вагона.

Один из них шел в нашу сторону.

Поезд отошел.

— Что это значит? — сказал парень с белыми волосами.

— Мы знаем, — сказал человек в рубашке.

— У меня есть билет, — сказал парень с белыми волосами.

— Стал ездить с билетами, — сказал человек в рубашке. — Прогрессивный ты стал человек!

— Я был всегда прогрессивный, — сказал парень с белыми волосами.

Поезд мчался.

— А остальные? — спросил человек в рубашке. — Одна компания? — он подошел ко мне. — Ты с кем едешь?

— Я еду один, — сказал я.

— Потом разберемся, — сказал он. — Сойдем в Сабунчах. С остальными там разберемся.

— У меня есть билет, — сказал я.

— Товарищ начальник, — сказал парень с белыми волосами, — в чем вам нужно со мной разбираться? У меня к вам нет никаких вопросов. Вы выслушали мои ответы. Или вы не выслушали мои ответы?

— Смотрите за ним, — сказал человек в рубашке милиционеру. — Смотрите за ним в оба!

— Зачем за мной смотреть?! — сказал человек с белыми волосами. — Зачем за мной смотреть? Что я, ребенок? Смотрите за собой, товарищ начальник, вот мой совет прогрессивного человека. — Он почему-то моргнул мне.

Я пожал плечами. Вот уж, не мог я понять, с чего это он мне моргает!

Поезд подошел к станции, и люди бросились к вагону. Они дергали дверь и кричали. Милиционер повторял:

— Здесь арестованные. Здесь арестованные.

Люди все подходили и дергали дверь, а милиционер все повторял, что «здесь арестованные», а они, наверное, не слышали, что ли, потому что все дергали эту дверь, махали руками и кричали.

Потом поезд тронулся.

Человек с белыми волосами опять моргнул мне. И тут вдруг я понял, что он просит меня встать с моего места. Он просит меня пересесть. Ему захотелось возле дверей посидеть, что ли?

Я пересел.

Он сел на мое место.

Потом я забыл о нем. Вся школа сейчас, наверное, идет мимо наших окон. Весь наш класс. Все идут хоронить Петра Петровича, а я здесь сижу в этом тамбуре. Да еще арестованный. Почему это я арестованный? Что я сделал, чтобы меня арестовали?

— Отпустите меня! — сказал я. — Отпустите меня!

— Отпустим, — сказал человек в белой рубашке. — Отпустим. Тебе все равно ехать в ту сторону.

— Я хочу обратно, — сказал я.

— Это непонятно, — сказал он. — Если ты едешь в одну сторону, зачем тебе немедленно ехать в другую?

— Я хочу домой! — сказал я.

— Мы это выясним, — сказал он.

— Хочу, чтобы ничего не выясняли! Я хочу обратно!

Он не слушал меня.

Поезд подходил к станции. Как и прежде дергали люди нашу дверь. Как и прежде милиционер повторял: здесь арестованные!

Опять поезд тронулся. Стал быстро набирать скорость. И в этот момент что-то щелкнуло, дверь настезь распахнулась, и парень с белыми волосами мелькнул в дверях. Платформа уже кончалась, он прыгнул почти у края, пробежал несколько шагов в сторону, и стал спокойно спускаться по лесенке...

Человек в шелковой рубашке тут же кинулся к дверям. Но было поздно. Поезд мчался, и ветер врвался в тамбур. Пузырем надулась его шелковая рубашка. Потянувшись за спину к поясу его рука. Маленькая кобура с пистолетом бросилась мне в глаза. Он хотел прыгнуть следом. Но платформы уже не было. Она кончилась сразу же после того, как прыгнул этот парень. Человек в шелковой рубашке хлопнул рукой по бедру:

— Ушел!

Потом посмотрел на нас.

— Можете убираться! — сказал он. — Вы мне не нужны!

На следующей остановке они сошли. А я почему-то решил ехать дальше.

На обратном пути я выпрыгнул, не дожидаясь, пока поезд остановится, и вывихнул ногу. Я еле до дому добрался. Нога у меня распухла ужасно. В школу я не ходил несколько дней, лежал с вывихнутой ногой. Я считал себя трусом — иначе почему же я тогда не пошел со всеми хоронить Петра Петровича? Я просто трус, вот и все! Не мог я видеть мертвого человека, который вчера был живой...

НЕ БРОСАЙТЕ ЯКОРЕЙ

Белеют паруса. Рябится море. Солнце жжет. Качаются слегка деревья. Мы с Алькой сидим на барьере.

— Не бро-сай-те я-ко-рей, — читаем мы, — ос-то-рож-но, кабель...

жим и все кажется нам, что мы крутимся. А потом встали и пошли.

— Эх, давно это было, — вздохнул Алька.

— В прошлом году, — вздохнул я.

— Даже не верится, — вздохнул Алька.

— Разве кто-нибудь бросает сюда якоря? — говорит Алька.

— Написано, чтоб не бросали, — говорю я.

— Раз никто не бросает, так нечего и писать, — говорит Алька.

— Если б никто не бросал, наверно бы не писали, — говорю я.

Мы молча смотрим на море.

— ... Когда я был еще маленький, то думал, что якоря просто так бросают. Думал, это старое заржавленное железо и его с корабля бросают. Чтобы эти якоря не валялись на кораблях. А потом я прочел эту надпись, подумал: потому, наверное, эти якоря бросать не разрешают, что это металлолом. А после я узнал про якоря и мне было смешно, что я так думал...

— Про якоря я раньше тоже не знал, — сказал Алька. — Я раньше думал, якорями рыб ловят. Бросят в море якорь, а на него рыба цепляется. Громадная такая рыба. И ее вместе с якорем вытаскивают. Как на крючок...

— Это все было детство, — вздохнул Алька.

— Самое настоящее детство, — сказал я.

— Помнишь про карусель, — сказал Алька, — мы с тобой с утра в очередь становились, чтобы эту карусель крутить? Разгонишь ее и катайся. Гармошка играет. С музыкой. И совершенно бесплатно.

— Много было желающих эту карусель крутить, — сказал я. — Один раз мы с тобой два часа крутились, а потом встали и упали. Ле-

— Совершенно не верится, — вздохнул я.

— Другие времена, — сказал Алька.

— Совершенно другие, — сказал я.

Мы еще раз вздохнули. Вдруг Алька спросил:

— Умрешь за живопись?

Он всегда внезапно что-нибудь такое спрашивает.

— Умру! — сказал я. — За живопись я готов в любую минуту умереть, об этом и спрашивать нечего.

— И я умру, — сказал Алька. — Живопись это такая вещь, за нее вполне стоит умереть. Помнишь, нам Петр Петрович про Микеланджело рассказывал? Умрем за Микеланджело? — Он на меня так посмотрел, как будто я за Микеланджело отказываюсь умирать. Да я бы за него сто раз умер, даже не подумав.

Алька это сразу понял и говорит:

— Я так и знал, что ты за него всегда умер бы.

— Конечно, умер бы, — говорю, — что за вопрос.

Мы с Алькой вздохнули, потом он сказал:

— Послушай, если мы умрем, как же мы тогда живописью будем заниматься?

— А зачем нам умирать, — говорю, — нам совсем не нужно умирать.

— В том-то и дело, что не нужно! — говорит Алька.

— Это ты, — говорю, — все придумал — умирать. Зачем нужно за живопись умирать,

не понимаю! Наоборот, нужно больше жить, чтобы больше картин написать.

— Правильно, — говорит Алька. — Абсолютно правильно!

Паруса сверкали в море. Как будто они плясали в воде. Ветер налетал на море, и море рябью несло в нашу сторону.

— А рамы ты выброси, — сказал Алька. — Раз мы будем делать монументальное искусство. Раз мы будем писать на стенах. Как Микеланджело. Размах! Во! — Он развел руками. — Во! Вокруг небо! Плывут облака. А в облаках картина!

Он уже вовсю орал. Показывал на небо и махал руками.

— В каких облаках? — спросил я.

— В небесных! — орал он. — В небесных! — Если ему чего-нибудь в голову придет, он думает, другие знают, что ему в голову пришло.

— Я уже поменял одну раму, — сказал я на всякий случай.

— Меняй! Меняй! — орал он. — Все меняй! Картины на домах! Идешь по улице и рассматриваешь картины! Здорово я придумал? Это я только сейчас придумал!..

Он немного отдышался и говорит:

— Вот кто — Я? Как ты думаешь, кто — Я?

Я на него удивленно посмотрел, а он говорит:

— Я новатор! Я это только сейчас понял.

— Это почему же, — спрашиваю, — ты новатор?

— А потому, — говорит, — что я, можно сказать, первый человек на земле, который подал идею расписывать все стены домов...

Я не дал ему закончить и говорю:

— Ведь до тебя Микеланджело писал на стенах...

Он так засуетился, я думал, он сейчас свалится с барьера, и говорит:

— Микеланджело внутри дома писал на стенах, а я снаружи! Ты видел, что Микеланджело снаружи писал? Ты видел?

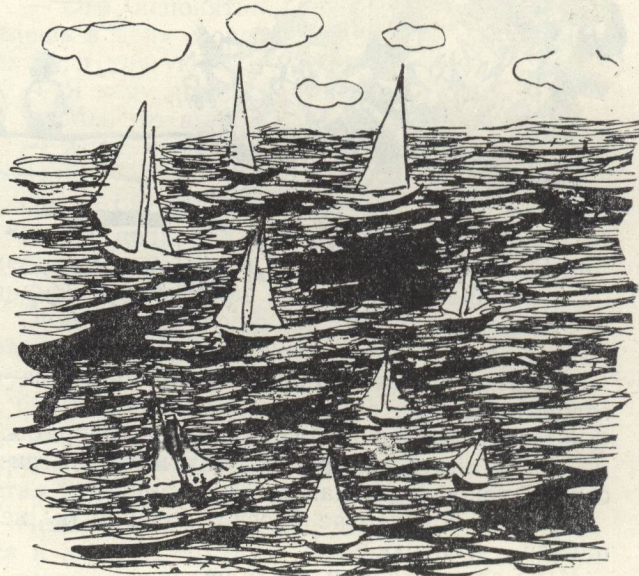
Очень уж хотелось ему новатором быть!

Я не знал и не видел, писал ли Микеланджело на домах свои картины, но все равно я не верил, что Алька — новатор.

Ужасно ему захотелось быть новатором, просто удивительно! Как будто без этого новаторства прожить нельзя. Живут же люди без этого. Никто им за это ничего не говорит. Пусть он не думает, что он скорее меня новатором будет. Ерунду какую-то придумал про эти стены... Хотя, может быть, он действительно чего-нибудь придумал? Может быть, только кажется, что в этом нет ничего такого, а на самом деле в этом много чего есть? Может, и вправду такого еще никто не придумал — рас-

писывать все дома? Неужели за все время человечества никому в голову не пришла такая мысль?..

...Опять я вспомнил Петра Петровича, и то, что я сбежал тогда, и то, что я трус. Совсем о другом ведь думал, а тут ЭТО вспомнил... И мне стало казаться, что такой человек, как я, никогда не станет новатором, никогда ничего большого не сделает, раз он сбежал... Конечно, Алька скорее станет новатором, и, может быть, он уже придумал то, чего никто не мог придумать до него...

Паруса все так и сверкали. Только их стало больше. И все вокруг стало как будто ярче. Солнце висело над самой головой. И было жарче.

Я слез с барьера и говорю:

— Пойдем-ка со мной к Петру Петровичу. Он с барьера не слез, только повернулся ко мне и спрашивает:

— Куда?

Я ему спокойно говорю:

— К Петру Петровичу.

Он на меня раскрытыми глазами посмотрел и говорит:

— Как же мы к нему пойдем, если он умер?

— А мы не к нему пойдем, — говорю, — мы к его семье пойдем.

— К его семье? — говорит Алька.

— К его семье, — говорю.

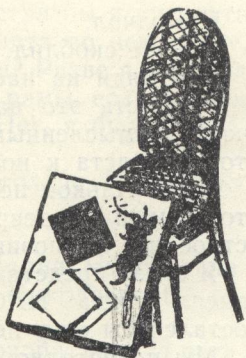
— Зачем? — говорит Алька.

— Надо, — говорю.

— Сейчас? — говорит Алька.

— Сейчас, — говорю.

Это верно, очень уж я внезапно собрался идти к семье Петра Петровича. Но раз уж я собрался, я непременно пойду. Кто меня плохо знает, тот может подумать, что я не пойду туда, куда я собрался. Алька-то знал меня. Он-то знал, что я туда непременно пойду, раз собрался. Приду я к семье Петра Петровича и скажу: «Здравствуйте! Извините меня, что я тогда не был...» Нет, это не годится, это совсем не то... Я скажу: «Здравствуйте... я очень жалею, что так все вышло... так произошло... я пришел сказать, что я трус... Я испугался, простите меня за то, что я испугался... Я всегда любил Петра Петровича... может быть, больше всех других я любил Петра Петровича...» Что-нибудь такое я скажу... что-нибудь скажу такое, как только откроют нам дверь...

— Ничего не понимаю, — говорит Алька. — Почему нам надо именно туда сейчас идти...
— Надо идти, — говорю, — вот и все.
А еще я сказал ему, что он может не идти, если не хочет. Я и сам могу пойти, пусть он не идет, если ему не надо.

Он руками развел, и мы пошли.

Когда мы шли, нам Ыгышка встретился. Со своими друзьями. Он стоял на другой стороне улицы, возле кинотеатра. Он что-то говорил своим друзьям, а они его слушали, наклонив головы. Можно было подумать, он им что-нибудь умное говорил. Разве мог он что-нибудь умное говорить, кроме своего «Ыгы».

Я его много раз видел, как он билетами спекулировал. Поэтому они, наверное, и торчат здесь.

И тут он увидел меня. Он поднял голову и увидел меня на той стороне. Он уже ничего своим друзьям не говорил, а смотрел на меня. Мне показалось, он сначала вздрогнул, а потом каким-то окаменелым стал. Его дружки повернули головы, они хотели узнать, что там Ыгышка увидел. И в этот момент они бросились врассыпную.

Как по команде все бросились в разные стороны. Одну тетку кто-то из них толкнул, и она упала. У нее была сумка, оттуда выпрыгнула кошка и помчалась вслед за компанией. Эта тетка сейчас же встала и побежала за своей кошкой. Милиционер стал свистеть в свой свисток, и за этой кошкой, теткой и всей компанией бросилось несколько прохожих. Они, наверное, думали, что это какие-нибудь

воры или еще что-нибудь такое, раз они бросились бежать, и вдобавок милиционер им свистел вдогонку. Скорее всего никто ничего не понял. Понять тут трудно было. Один я знал, в чем дело. Но не мог же я им объяснить!

Куда, интересно, несла тетка эту кошку? Может, она ее топить несла? Тогда очень даже приятно, что кошка спаслась благодаря этому случаю.

— Чего-то украли, — сказал Алька.

— Наверное, кошку украли, — сказал я. Не хотелось мне ничего ему рассказывать. Во-первых, он не поверит. А во-вторых, не то у меня было настроение, чтобы чего-нибудь такое рассказывать.

— Неужели кошку украли? — сказал он.

— Ты же видел, — сказал я.

Он прошел немного и говорит:

— Не может быть все-таки, чтобы кошку украли. Такой скандал из-за кошки? Не может этого быть!

— Ты же видел, — сказал я.

— Неужели все-таки кошку украли! — повторял он. Он был очень поражен тем, что украли кошку. На него это здорово подействовало.

Мы подходили к дому Петра Петровича, когда Алька сказал:

— Неужели все-таки кошку украли?!

Он все думал об этой кошке.

Я думал совсем о другом.

Я очень волновался, когда звонил.

Старший сын Петра Петровича открыл нам дверь. Он не очень-то удивился, когда нас увидел. Он пригласил нас войти, и мы вошли. Я решил ничего ему не говорить. Я решил все это сказать Ангелине Петровне.

Посреди комнаты, прислоненный к стулу, стоял холст. Наполовину краска была соскоблена. На полу валялись разноцветные соскобленные ножом куски краски. С холста стекала вода. Старший сын Петра Петровича размочил холст, чтобы легче было соскоблить краску. Когда холст размочишь, с обратной

стороны краска легко слезает. Опять чистый холст. Пиши себе на нем свою новую картину.

Не обращая на нас никакого внимания, старший сын Петра Петровича соскабливал ножом краску. Звук ножа по холсту был глухой и тупой. Лицо у старшего сына Петра Петровича было сосредоточенное.

Я сразу увидел, что это был за холст.

Портрет отца — вот что скоблил он!

Мы растерянно смотрели.

Ведь это был тот самый портрет, который мы с Алькой должны были в будущем «понять и осмыслить!»

Старший сын Петра Петровича продолжал скоблить. Потом он поднял голову и сказал:

— Мама нету.

Мы все стояли.

Тогда он сказал:

— Если ты хочешь, я могу тебе вернуть твою раму...

Я молчал.

Он все скоблил.

Не глядя на нас, он сказал:

— Пусть это вас не смущает... Это логически осмысленный шаг художника... Подготовка холста к новой работе...

Мы с Алькой переглянулись. Ведь это был тот самый «шедевр»! То самое «логически построенное композиционное решение»...

Я сразу представил себе, что если бы он написал тогда **НАСТОЯЩИЙ** портрет отца, остался бы он у него на память...

Мы потоптались на месте. Потом попрощались. И вышли.

Он все продолжал скоблить, когда мы уходили. Мы сами открыли дверь.

...В скверике имени Двадцати шести бакинских комиссаров пронесся мимо нас с мячом Кафаров. Он даже нас не заметил. Он мчался забить свой гол.

ЛЕСТНИЦА

Сколько раз проходил я мимо!

Дворец пионеров. Колонны. Скульптуры у входа. Мраморная лестница...

Там, на четвертом этаже, в окнах видны мольберты. Громадная гипсовая голова смотрит на меня из окна...

Сколько раз проходил я мимо!

Сколько раз мне хотелось подняться! Один раз я вошел в вестибюль. Стоял и смотрел на лестницу. Лестница блестела, а посередине лестницы был ковер. Мне хотелось подняться. Туда, на четвертый этаж. Где в окне видны мольберты. Где эта громадная гипсовая голова...

Я стоял раскрыв рот и смотрел на лестницу. Я не решался подняться. Ребята поднимались и спускались по этой лестнице. Они так просто ходили по ней. Смеялись и разговаривали. А некоторые бежали. А некоторые прыгали через две ступеньки...

Нет, я не мог подняться!

Я представлял себе: я поднимаюсь... туда... на четвертый этаж... где мольберты... «Ах, это вы! — скажут мне. — Мы ждем вас. Это вы нарисовали Рембрандта на стене? Вы знаете, это замечательно! Мы будем счастливы, если вы... со своей стороны... сообразоволяете... заниматься, так сказать, в нашей студии. Таких талантов нам как раз и не хватает». А я скажу: «Пожалуйста, я могу заниматься, мне ничего не стоит... я для этого в общем-то и пришел, собственно говоря... увидел в окне мольберты и зашел, дай, думаю, посмотрю, что там делается...» А что если мне скажут:

«Ой, господи! Вы видели, какой он нарисовал кошмарный рисунок? И он еще пришел сюда? Да он с ума сошел! Уходите скорее и не мешайте нам работать». Тогда что я скажу? Вот в том-то и дело! Лучше туда не идти. Кто их знает!

Петр Петрович говорил: «Ребята! Я скоро вести буду студию. Я вас возьму к себе». Но он умер. Конечно, он взял бы меня. Он меня ведь хвалил. Вы помните, как он сказал тогда про мою золотую руку. Он непременно бы взял меня. И Альку бы взял. Но он умер.

А если я сам пойду? Поднимусь на четвертый этаж. Разве я плохого Рембрандта нарисовал? А Летучий Голландец? Разве не получился у меня Летучий Голландец? Тогда почему мой рисунок в Англию послали?

И лестница мне не казалась уже такой особенной. Нужно было подняться по ней. Вот и все...

А если мне только кажется, что у меня Летучий Голландец получился? И кажется, будто Рембрандт получился? А в Англию, может быть, мой рисунок послали потому, что у них других рисунков не было. А Олив Нивс ведь девчонка, что они понимают, девчонки!..

Уходит опять эта лестница...

Нет, я не был уверен... я просто не был уверен. А все те, кто бежал по лестнице, и все, кто сидят сейчас в студии и рисуют, они все, наверное, уверены, раз сидят там сейчас и рисуют. А я иду мимо. Вчера и сейчас, каждый день иду мимо.

Но в то же время разве стал бы я рисовать такого громадного Рембрандта во всю стену, до потолка, если я не уверен? Разве я покупал бы рамы? Зачем мне тогда рамы, если у меня никогда картин не будет? Нет, я был уверен. Я был во всем уверен...

Это все приходило мне в голову. И уходило. Как эта самая лестница.

И вот я иду опять мимо.

А навстречу мне идет Мария Николаевна.

— Здравствуйте, Мария Николаевна! — говорю я.

— Здравствуй, Витя, — говорит она. И останавливается.

— Вот это погода! — говорю я.

— Отличная погода, — говорит Мария Николаевна.

— Совсем нету ветра, — говорю я.

— У моряков, кажется, говорится: штиль? — говорит она. — На море штиль, не так ли?

— А когда ветер — норд, — говорю я.

— Ах, этот норд! — говорит Мария Николаевна. — У меня в комнате два стекла выбил этот норд...

— И у нас стекло выбил, — говорю я, — одно стекло выбил...

— Как поживаешь, Витя? — говорит Мария Николаевна. Как будто мы с ней сто лет не видались. — Рисуешь все, рисуешь... Нет, у тебя, конечно, есть способности, а когда человек со способностями... ведь это счастье... творческое начало в человеке... искусство большое дело...

Чего, думаю, она мне про эти способности говорит, я и сам знаю, что у меня есть способности. Вот сейчас мне про искусство говорит, а завтра мне двойку поставит.

А она говорит:

— Нужно развивать свои способности. Способности нужно непременно развивать. Учиться нужно. А как же? Путь к мастерству долг... я помню, один мой знакомый...

Вовсе мне неинтересно про ее знакомого слушать. Я и сам знаю, что способности развивать надо...

А она говорит:

— Пойдем, Витя, со мной вот сюда, в этот дом, я тебя познакомлю... Он таких вот ребят

учит... в студии... может быть, и тебе полезно... ты, кстати, не ходишь в студию?

И мы вошли в это парадное.

И стали подниматься по лестнице. Ей трудно было подниматься. Она ведь старенькая. И мы поднимались медленно.

УПЛЫВАЮТ КОРАБЛИ

Пляшут на сцене джигиты.
Летит оттуда к нам музыка.
Плывут по морю корабли и лодки.
Качаются на привязи шверботы.
Стоит над бухтой громадный памятник Кирову.

Мы с Алькой сидим на крыше. Отсюда нам виден город. Даже сцена летней филармонии. Даже остров Нарген вдали.

Небо темно-синее и море темно-синее. В небе звезда, а в море огни.

Алька завтра уезжает в Москву. И будет там жить с родителями. Поступит там в художественное училище. И будет писать мне письма.

А я остаюсь. Буду здесь учиться. Поступлю здесь в художественное училище. И буду писать ему письма.

А встретимся мы в Ленинграде. В самой Академии художеств. Где учились знаменитые художники. Где учился наш Петр Петрович... Мы встретимся с Алькой в этой Академии, обнимемся, потом хлопнем друг друга по плечу и вместе спросим: «Как живешь?» Потом мы рассмеемся оттого, что вместе сказали «Как живешь?» и спросим друг у друга: «Как дела?» А потом мы с Алькой пойдем осматривать Академию художеств... А потом

станем знаменитыми художниками... Как великие мастера...

— Вот этот громадный дом, — говорит Алька, — мы с тобой когда-нибудь разрисуем... мы с тобой весь город разрисуем...

— И другие города, — сказал я.

С моря раздавались гудки, они были протяжные и длинные.

— И Тася уехала... — сказал я. И чего это я вдруг про Тасю вспомнил!

— Ну и влюблен же ты в Тасю! — сказал Алька.

— И Кафаров влюблен, — сказал я.

— И я тоже влюблен, — сказал Алька.

Я смотрел на него и не верил. Первый раз слышал я, что он в Тасю влюблен.

— Это правда, — сказал Алька. — Только я никому про это не говорил. Только сейчас говорю. Все равно. Раз теперь уезжаю.

— Врешь ты все, — говорю я.

— Что мне врать, — сказал он. — Все равно уезжаю...

Опять с моря гудки загудели. Сцена филармонии опустилась. Концерт, значит, кончился. Сцена еще светилась, как большой проектор. Но джигитов уже на ней не было.

Потом сцена потухла. Мы молчали некоторое время. Гудки с моря всю гудели. Как будто много пароходов плыло куда-то...

БАБУШКА

Ханьмана Алибейли

Бабушка, бабушка,
Дай ответ,
Сколько тебе, бабушка,
Зим и лет?

Почему морщинки
У твоих висков,
Волосы белее
Белых облаков?

Синие прожилки
На твоих руках,
Словно это нитки
В узелках.

Нитки вяются, вяжутся.
Ткут узор.
Ой, какой красивый,
Твой ковер!

Солнце загляделось,
Жарче припекло,
Солнце свои лучики
В пряжу заплело.

Видно, солнцу хочется
Разгадать секрет.
Будь здорова, бабушка,
Много лет!

*Перевела с азербайджанского
Г. Каменная*

В МАСТЕРСКОЙ С. Т. КОНЕНКОВА

В прошлом месяце исполнилось 90 лет замечательному советскому скульптору, народному художнику СССР, лауреату Ленинской премии Сергею Тимофеевичу Коненкову. Наши фотокорреспонденты Л. Поляков и М. Фукс побывали в мастерской скульптора. Вот что они рассказывают.

Накануне мы позвонили на квартиру Коненкова. К телефону подошла его жена, Маргарита Ивановна. Мы попросили разрешения приехать сфотографировать Сергея Тимофеевича.

— Приезжайте в любой день с утра.

— А все-таки в котором часу, чтобы не побеспокоить вас очень рано?

— Что вы, — рассмеялась Маргарита Ивановна. — Сергей Тимофеевич в 7 утра уже за работой.

Мастерская Коненкова полна необычных вещей.

Когда мы вошли, Сергей Тимофее-

вич натягивал струны на еще неготовую скульптурную группу, которую он называет «Лира Мира». За этой работой мы его и засняли.

Рядом мы увидели еще множество законченных и незаконченных работ: величественная фигура Л. Н. Толстого, скульптурные портреты Достоевского, Сурикова, Врубеля, Серафимовича, Довженко, очень выразительна фантастическая фигура лешего.

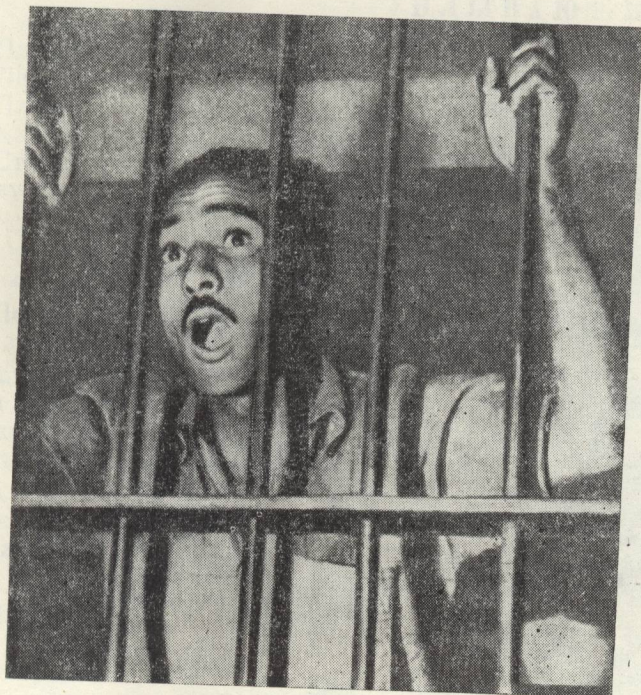
Сергей Тимофеевич очень любит русскую сказку и создал много удивительных сказочных персонажей из пней, корявых стволов и корней.

Коненков все время в работе. Это особенно чувствуешь в его мастерской. И невольно вспоминаешь его слова, обращенные к молодежи:

«Всю жизнь ощущайте напряжение мускулов и устремленность мысли. В любом возрасте оберегайте чувство молодости.

Друзья, обгоняйте время! Живите так, чтобы каждый день казался новым. Только так можно сохранить драгоценный огонь задора.

Жить надо с расправленными крыльями!»

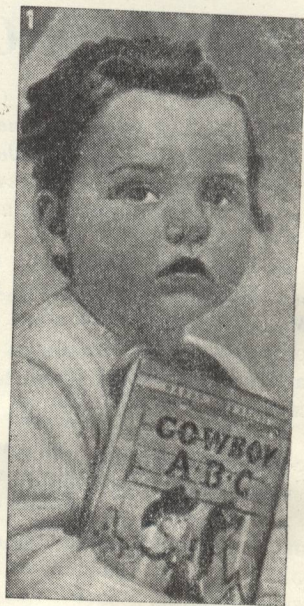
КТО ВИНОВАТ?

Фото — из «Вие Нуове», «Вашингтон пост», «НБИ» и других зарубежных изданий.

За месяц пребывания в камере смертников он постарел на десятки лет. Трудно поверить, что этот обросший человек с безумными глазами еще недавно сидел за школьной партой.

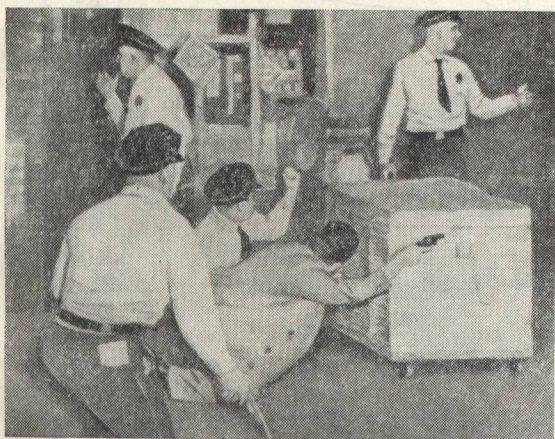
В бессонные ночи проходит перед ним кошмарным видением вся его короткая жизнь...

Когда-то он, как и эта девочка, обучался грамоте по «Ковбойскому букварю». Буква А — индеец племени Апачи с кровожадным лицом спускает тетиву лука. Буква Б — ковбой зверского вида с браунингом в руке. Буква К — снова кровожадный индеец, но уже из племени Команчей...

Позднее он стал посещать городской сад. В «детском уголке» этого сада была забавная игрушка: кукла-полицейский, в которую можно выстрелить сразу из двух пистолетов всего за пять центов!

Так происходит в США. И в Италии. И в Швеции. И в Федеративной Республике Германии. Всюду, где властвует капитал.

Так калечат ваших сверстников. Превращают их в бандитов и убийц.

**SPORTSMEN!
KIDS! MANIACS!**

A whole line of pistols
and other weapons,
ready to use,
including—

this dandy
imported rifle,
with regular
"sharpshooter"
telescopic sight

ONLY \$12.78

SHIPPED DIRECT TO YOU
ALMOST ANYWHERE IN THE U.S.

*Please try not to enclose
loose change, to avoid
danger of loss.*

© 1941 HERBLOCK

Со временем игрушечные пистолеты ему порядком наскучили, тем более, что фирма Герблок услужливо предоставляла в его распоряжение самый широкий ассортимент настоящих. «Охотники! Дети! Маньяки! — гласит рекламное объявление. — К вашим услугам большой выбор пистолетов и других видов оружия, включая это изящное, импортное ружье с оптическим прицелом, которое может быть доставлено лично вам, в любую точку Соединенных Штатов, всего за 12 долларов 78 центов».

«Игры», в которых он участвовал вместе со своими сверстниками, становились все более опасными. Два ограбления прошли безнаказанно, но в третий раз полиция оказалась предупрежденной. В последовавшей перестрелке он смертельно ранил полицейского.

Перед тем, как объявить приговор, судья долго говорил о росте преступности среди молодежи. Но о том, кто в этом виноват, он не произнес ни слова.

КОСТЯ ТЕРКИН — СУДЬЯ

Костя Теркин: — Дорогие читатели, внимание! Граждане, которых здесь нарисовал художник Борис Федорович Семенов, затеяли между собою спор. Бабушка, дедушка, внучка Тania и внук Борис живут на даче. Местечко

глухое — ни газет, ни радио. Бабушке очень хочется знать, какие события происходят в мире. И добрый внук Боря сделал для нее батарейный радиоприемник. На, мол, бабушка, слушай!

Костя Теркин: — Ну вот, видите — никак договориться не могут. Товарищи читатели, помогите рассудить! Кто прав, кто виноват?

ПОДАРОК СТАРОГО ШТЕЙГЕРА

ПОЛЬСКАЯ СКАЗКА

Рисунки Т. Капустиной

Прозвище — не имя. Имя дают мать с отцом, когда еще ничего про своего ненаглядного сыночка не знают, что за человек из него вырастет. А уж прозвищем люди награждают, когда видно, кто чего стоит. Как прилипнет меткое словечко, так его и не отдерешь.

Вот, скажем, Ферду Маслока из Жабкова прозвали Пропадиработкой. И оказалось ему это прозвище впору, словно по мерке сшитое.

Жил Пропадиработка в шахтерском поселке и, как все мужчины этого поселка, что ни день спускался в клетки глубоко под землю, где только и свету, что от шахтерской лампы.

Спускаться-то он спускался. А вот чтобы кайлом долбить, уголек в забое вырубать — этого он, сказать по правде, не любил. Бывало, у других забойщиков еще только плечо разойдется, рука размахнется, а Пропадиработка уже присел на кучку угля отдохнуть.

— Эй, Пропадиработка, — окликают его товарищи, — ты что задумался, работа стоит!

— Пропади работа, — отвечает Пропадиработка, — пропади она вся пропадом, хоть бы ее и не бывало!

— Так зачем же ты за кайло держишься? — спрашивают его товарищи.

— Да жена ругается, когда на хлеб не заработаю, — говорит Пропадиработка. — Вот кабы на меня богатство свалилось, я бы, ясное дело, работать не стал. Лежал бы весь день на перине да под периной и жевал рогалики с маслом, закусывал бы окороком, запивал бы сливянкой. Только нет у меня счастья!

Услыхал как-то его слова седоусый Сембол, самый старый шахтер на шахте «Барбара» и засмеялся.

— А что если я тебе, Ферда Маслок, посоветую, как такого счастья добиться?

Пропадиработка не поверил.

— Надо тебе с хозяином горы Старым Штейгером повидаться.

Испугался Пропадиработка:

— Со Старым Штейгером? А если он мне голову оторвет?

— Ну, будешь без головы жить. Все равно она тебе, вроде бы, ни к чему. Да шучу я, не оторвет тебе Старый Штейгер голову.

И седоусый Сембол научил Пропадиработку, куда пойти и что сделать, чтобы со Старым Штейгером повидаться.

Пропадиработка не стал откладывать дело в долгий ящик. Надвинул шахтерскую шапку получше, чтобы породой не зашибло по дороге, и пошел выработанными штреками, дальними горизонтами искать Старого Штейгера.

Где крючком, где ползком, добрался до завала. Давний завал, тут уже, верно, лет пятьдесят как весь уголь выбрали. Огляделся кругом — темно. А тихо как, только и слышно — старая крепь потрескивает. Треснет, и долго потом мелкие камушки осыпаются, тяжело ей, видно, такую толщу земли на себе держать. Страх берет от такой тишины, будто один ты на свете. Сгинешь, и не узнает никто.

Однако зачем пришел, то и делать надо. Подбодрился Пропадиработка и свистнул. Прокатился свист, отдался эхом в дальних коридорах.

Тут — вот вы не поверите, а так оно и вправду было — расступилась стена, и вышел навстречу Пропадиработке сам Старый Штейгер. Весь в точности такой, как про него шахтеры рассказывают. Борода длинная, брови кустистые, мундир на нем штейгерский, на голове шахтерская шапка, как положено. Словом, штейгер как штейгер, только глаза будто уголь на изломе блестят да лампа в руке красным огнем горит.

Подогнулись у Пропадиработки от страху ноги, он и сам не заметил, как на коленях очутился.

— Па-па-пан Старый Штейгер, — еле выговорил он. — Не я это свистел, — Сембол. Убежал он. Я, пан старый Штейгер, побегу его догонять...

— Цыц! — гаркнул Старый Штейгер. — Не ври, а то так кайлом огрею, что ты отсюда, из-под земли, небо увидишь и все звезды пересчитаешь! Говори, зачем пришел?

— Ох, ясный пан Старый Штейгер, мне бы денег. Самую малость.

— Хе, а для чего?

— Так ведь деньги... Можно не работать...

— На перине лежать, периной укрываться, рогаликами с маслом лакомиться?

— Так, пан Старый Штейгер. Истинная правда, все угадали в точности.

— Значит, не хочешь работать?

— Не хочу, пан Штейгер.

— Ну, будь по-твоему! Дам я тебе, чего просишь. Только и ты держи слово. Не работать так не работать! Чтoб не смел ты пальцем шевельнуть. Ни почесаться, ни муху прихлопнуть.

— Неужто и в носу поковырять нельзя? — ужаснулся Пропадиработка.

— Ладно уж. В носу ковыряй, — смиловился Старый Штейгер. — И больше чтoб — ни-ни. Не то все богатство разом пропадет. Да вот что, не найдется ли у тебя табачку?

Пропадиработка заюлил:

— Как не найтись! Угощайтесь, ясный пан Старый Штейгер. — И вытащил из кармана большой кисет.

Известное дело, в шахте курить нельзя, взрыв может получиться. Так шахтеры жуют табачное зелье.

Старый Штейгер залез всей пятерней в кисет да такую щепоть захватил — чуть не половину табака. Заложил за щеку и говорит Пропадиработке:

— Теперь убирайся, надоед ты мне.

И пропал, как не бывало.

«А деньги?» — хотел крикнуть Пропадиработка, но не посмел. Да и кому крикнешь? Один он у завала. Побрел Пропадиработка назад. Бредет, спотыкается и клянет на все лады Старого Штейгера, Сембола, а заодно и себя самого.

— Обманщик этот Сембол! И я, дурак, послушался. А Штейгер-то, Штейгер! И не стыдно ему сквозь стены проходить, глазами, словно волку, светить, чтoб табак у добрых людей выманить. Да хорошо бы немножко, а то вон сколько! На десяток бы жвачек хватило!

Пока Пропадиработка сам с собой бранился, дошел до своего штрека.

Смотрит — там уже смена кончилась. Шахтеры в клеть садятся. Поднялся с ними и Пропадиработка.

Что ближе к дому, то больше его досада разбирает. С досады и потянуло его табачку пожевать. Достал кисет, сунул туда руку не глядя и вытащил вместо табаку золотой. Пальцам не поверил, глазам не поверил, себе не поверил. Встряхнул кисет — вправду бренчит золотым звоном. Не обманул ясный пан Старый Штейгер!

Бросился Пропадиработка к дому. Еще с порога закричал:

— Эй, старуха! Стазыйка! Теперь заживем! Смотри-ка, золото!

— О, Иезус Христе! — взвизгнула жена. — Сколько ж тут золотых монет?

— А я не считал.

— Так пересчитай скорей.

— Э, нет, деньги считать — тоже работа. А пан Старый Штейгер говорил...

И Пропадиработка рассказал жене, как все было.

Стала жена сама считать деньги. Да только скоро бросила, потому что сколько вынет из кисета, столько в нем и прибавляется.

— Ах ты мой золотой Фердик! — захопотала Стазыйка. — Уложу я тебя на взбитую перинку, укрою перинкой, а сама побегу в лавку. Что тебе купить, драгоценный ты мой муженек? Может, хочешь рогаликов с маслом?

— Рогаликов! — закричал Пропадиработка, улегшись в кровать и накрывшись периной. — Да чтоб свеженьких, чтоб корочка хрустела.

Лежит Пропадиработка на перине целый день жует рогалики с маслом, запивает сливянкой. Жует окорок, запивает горелкой. Хорошо! Никогда ему так хорошо не бывало!

Жена вокруг него на цыпочках ходит, все золотым Фердиком называет. А раньше у нее других слов для него не находилось, как лодырь да бездельник.

Второй день лежит Ферда Маслок, в носу ковыряет. Все бы ничего, только мухи досаждают стали. Да в животе бурчит. Не от голода — от сытости. Жена над ним чуть не плачет, она ему рогалики с маслом, она ему окорок, а он на них и глядеть не может. Объелся вчера. Только Стазыйка и уговорила его что кусочек медовой коврижки съест.

На третий день совсем заскучал Ферда. Вздыхает, ворочается в кровати. То ему жарко, то перья колют, то перина набок собьется. Словом, не человек лежит, а куча бед.

Стазыйка по комнате так и мечется. Прибралась, обед вариться поставила и затеяла полы мыть.

А Ферда Маслок глаз с нее не спускает и такая разбирает его зависть, сил нет.

Сбросил он перину, вскочил.

— Давай, — просит, — я тебе хоть воды наношу.

Тут Стазыйка и показала, что она старые слова не насовсем из головы выкинула. Уж честила она его!

— Лодырь он, лодырь и есть. Работать ему, бездельнику, понадобилось! А того не соображает, что самая его главная работа — лежать, богатство беречь.

Хотел Ферда с досады в затылке поскрести. Но жена на него так грозно посмотрела, что он поскорей руку опустил. Насилу дождался, пока Стазыйка все дела справила и побежала в лавку приглядеть, чем бы мужа побаловать.

Тут Пропадиработка сбросил перину, вскочил на ноги и вышел во двор, свежим воздухом подышать.

«Дышать-то, — думает, — это не работа!»

А в соседнем дворе седоусый Сембол дрова колот. Подошел Пропадиработка к заборчику, оперся о него, смотрит.

Сембол взмахнет топором, трахнет по полену, полено так надвое и рассядется. А Ферда в лад топору гекает.

— Гек! Гек!

«Гекать-то, — думает, — не работа. А все душу отведешь».

И тут вдруг заколодило у седоусого Сембола. Такая коряга сучковатая попалась! Уж он и по обуху другим поленом колотил, и со второго конца за нее принимался. Никак с ней не справиться, хоть плачь!

Не вытерпел Пропадиработка. Перескочил через забор, отодвинул плечом старого Сембола.

— Дай-ка, — говорит, — я!

— Что ты, что ты, — уговаривает его Сембол, а сам усмехается: — Богатство свое пожалей!

— Пропади оно пропадом, это богатство, — отвечает Пропадиработка.

Поплевал на ладони и взялся за топор. Vogнал топор в корягу поглубже, поднатужился, поднял ее над головой, да как ухнет об землю.

— Гек! — так и расселась коряга надвое.

— Ах ты, окаянный! Ах ты, дармод! Ах ты, дурень безголовый! Я тут ног не жалею, рук не покладая его обихаживаю. А он, лентяй, за топор схватился.

Надо же такому случиться — жена не вовремя вернулась.

Побежала Стазыйка в дом, схватила кисет — легкий! Она и заглядывать в него не стала. Опять во двор выскочила, ткнула под нос мужу кисет.

— Гляди, проклятый, что ты наделал!

Развязал Ферда Маслок кисет, заглянул в него и обрадовался.

— Табачок! Вот хорошо-то! — И заложил добрую щепоть за щеку. — Шахтеру без табака пропасть можно. Я ведь, Стазыйка, завтра на смену выхожу.

Заплакала Стазыйка, а потом подумала:

«А может, оно и к лучшему! У всех кругом мужья как мужья — шахтеры. У одной меня богач, на смех добрым людям».

С того дня Ферду Маслока не узнать. С утра до обеда уголь рубит, не остановится, не передохнет. Перекусит наскоро — первым за кайло берется. Если и помянет свое потерянное богатство, так только недобрым словом: пропади богатство!

Получил теперь Ферда в поселке новое прозвище: Пропадибогатка. И пришлось оно ему впору, словно по мерке сшитое.

Перевела М. Еленская
Литературная обработка Н. Гессе

ЗАБАВНЫЕ ПОДДЕЛКИ

Б. Борейко

Венера с Брюквенного поля

Французский скульптор Френсис Крмонезе был шутником.

Он решил доказать своим согражданам, что значит его талант, и изваял великолепную статую римской богини красоты Венеры. Два года труда — и из бесформенного мрамора под резцом скульптора возникла прекрасная богиня.

Крмонезе хорошо изучил античное искусство, и его творение походило на статую древних греков. Когда работа была окончена, мастер схватил молоток... и изуродовал скульптуру. Богиня лишилась рук и носа. Затем темной ночью молодой француз зарыл статую на поле соседа, где тот посадил брюкву.

2 мая 1937 года крестьянин, обра-

батывавший свое поле, задел плугом «древнюю» статую. Совершенство работы «древнего» мастера поразило специалистов; мировая печать поспешила объявить найденную статую лучшим образцом античного искусства и сравнивала «Венеру с брюквенного поля» со всемирно известной Венерой Милосской.

И тут, 16 декабря 1938 года, скульптор подробно рассказал ученым и журналистам историю появления на свет «античного» памятника, показал куски мрамора, которые отбил у богини, и когда мраморные части были приложены к скульптуре, они совпали с углублениями. Обман Крмонезе был бескорыстен: скульптор ничего не выиграл из своей подделки.

Индюки из Шлезвига

В 1939 г. в датском городе Шлезвиге восстанавливали старинную церковь и под слоем штукатурки обнаружили восемь рисунков индюков, написанных очень живо. Художник, несомненно, видел индюков, между тем эта птица попала из Америки в Европу не ранее 1530 г. Откуда же в Дании XIII в. мог появиться индюк? Значит, существовали какие-то связи Европы с Америкой задолго до Колумба?

Поднялся шум об индюках из Шлезвига, фотографии их появились на страницах научных журналов и

учебников. И вдруг, совсем недавно оказалось, что знаменитые индюки — творение художника нашего века. При ремонте собора был поврежден старинный орнамент, украшавший стены. Мастер испугался ответственности за порчу старинного памятника искусства и поспешил исправить повреждение прежде, чем это кто-либо заметит. Но художник не помнил, что было изображено на средневековой росписи, и дал волю собственной фантазии. Так на стенах собора появились индюки.

Кто открыл всемирное тяготение

Неоднократно выходили фальшивые воспоминания исторических деятелей, писателей, ученых, подделывались их письма и научные труды. Мало кто знает, что Александр Дюма

(отец) написал «Три мушкетера», используя трехтомные записки д'Артаньяна, вышедшие в 1701 г. Однако автором этих «воспоминаний» был вовсе не офицер королевских муш-

кетеров д'Артаньян, прославившийся беззаветной храбростью (убит в 1673 г.), а французский писатель Куртинг, специализировавшийся на сочинении вымышленных мемуаров.

Громкий скандал в свое время вызвали фальшивые письма Паскаля Ньютону: французский ученый делился с английским своими соображениями о законе всемирного тяготения. Создавалось впечатление, что Нью-

тон был всего-навсего вором, который выдал чужое открытие за свое! Возмущенные английские ученые быстро доказали подлог: «в письмах Паскаля» говорилось о кофе, который французы приучились пить толь-

ко через семь лет после смерти Паскаля. Впоследствии был найден даже автор писем, ловкий мошенник, который сделал своей профессией торговлю фальшивками.

В. Х. О. Д.

В бурное время гражданской войны в русский язык вошло множество сокращений. В те времена сложилась шутка о наивном человеке, который увидел вывеску «ВХОД» и истолковал ее как Высший Художественный Отдел Демонстраций.

Почти в таком же положении оказался сто лет назад французский ученый Шарль Вейсс, который получил от своего студента письмо с копией латинской надписи, найденной на камне: Res Er. Vo. ir. Вейсс быстро расшифровал надпись как: Res

(publica) er (igere) Vo(luit) (ad) ir (igandum), то есть «Республика желает воздвигнуть для орошения». А через два дня ученый едва не заболел, когда насмешливый студент сообщил ему, что надпись-то французская и «Reservoir» обозначает «резервуар».

Нечто подобное происходило и с археологом, который на стенках «римского» сосуда прочел буквы «MJDD» и понял их, как «Magno Jovi Deorum Deo» («Юпитеру величайшему богу богов»). Однако над-

пись оказалась современной и означала по-французски «Moutarde jaune de Dijon» («желтая дижонская горчица»).

Самые неприятные огорчения принесли ученым загадочные надписи «древних римлян» в одной французской деревне. «Ici est eche min de sanes». Получалась какая-то ерунда, бессмысленный набор слов. Оказалось, что вполне современные крестьяне поместили этими надписями: «Ici est le chemin des ânes» (вот дорога для ослов).

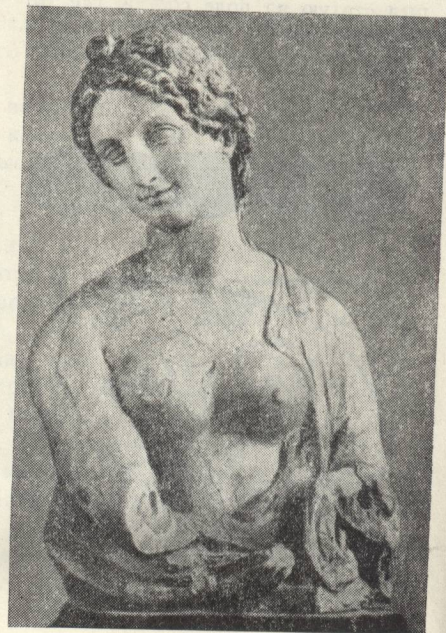
Восковая богиня

Современная наука располагает мощными средствами для проверки памятников старины. Исследование бумаги и пергамента, почерка, чернил позволяет без труда раскрывать подделки. На бумаге имеются водяные знаки, по которым можно безошибочно определить дату ее изготовления. Если на бумаге с водяным знаком 1818 г. написан текст XVIII века, то перед нами несомненно подлог.

Большую помощь в разоблачении фальшивок оказывают химия и физика. Химический анализ красок позволяет установить, что в их состав входят вещества, неизвестные художникам прошлого. Так, в 1909 г. Берлинский музей приобрел у частного торговца в Лондоне за 160 000 марок

бюст Флоры, греческой богини растительности, из цветного воска. Статуя приписывалась Леонардо да Винчи. Неужели эта изумительная скульптура — подделка? «Да, подлог, — ответили химики, — синяя краска бюста имеет совсем иной состав, чем та, которой пользовались художники времени Возрождения.»

Тщательное изучение под микроскопом отдельных зерен краски, просвечивание картин рентгеновскими лучами, их фотографирование в ультрафиолетовых лучах тоже помогают разоблачить фальшивки. В старину не знали красок, нерастворимых в алкоголе. Поэтому, если зерно краски не растворилось в спирте, ясно, что картину написал современный мастер.

Носорог из Помпей

На мраморном рельефе, который попал в Национальный музей Неаполя из Помпей, неизвестный скульптор изобразил носорога. Зверь наклонил морду, из-под толстых век злобно уставились маленькие глазки. Любопытный зоолог мог сказать, что перед ним прекрасный индийский носорог и ма-

нил морду, из-под толстых век злобно уставились маленькие глазки. Любопытный зоолог мог сказать, что перед ним прекрасный индийский носорог и ма-

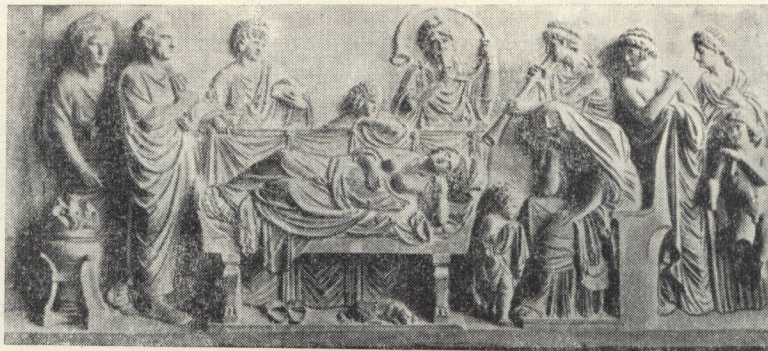
стер безусловно ваял скульптуру с натуры.

Но как в Риме мог оказаться индийский носорог? У римлян, конечно, были связи с Индией, но не столь тесные, чтобы можно было доставить живого носорога с берегов Индийского океана.

А между тем рельеф удивительно похож на картину известного немецкого художника Альбрехта Дюрера, который в 1513 г. по заказу португальского короля изобразил диковинного зверя, доставленного в Лиссабон.

Копии с картины Дюрера разошлись по всей Европе, и, очевидно, одна из них послужила моделью для рельефа-подделки. Не античный мастер, а итальянский скульптор изваял этого прекрасного носорога!

А вот перед нами другой «римский» рельеф из Лувра с изображением оплакивания умершей. И сразу же бросается в глаза ряд несоответ-

ствий с римскими похоронными обычаями.

В кресле сидит женщина, объятая скорбью, она спрятала голову в ладони. Однако так выражают горе современные люди; у римлян в знак горя человек тер щеку. Ноги покойницы скрещены, одна рука — на поясе, другая держит распущенные во-

лосы. Перед нами скорее спящая, чем мертвая. Кусок сукна, которым обито ложе, напоминает стелные декорации времен Возрождения. И, наконец, разве римляне играли на трубе, провожая усопшего в последний путь?

Нет никакого сомнения, что этот рельеф — подделка времен Возрождения.

Смерть Архимеда

Трудно подделать мозаику. Собрать из многих тысяч цветных стекол картину, да еще так, чтобы она походила на античную, — очень сложная и неблагодарная задача. Однако, видимо, ничего не устроит мастера подделок, если он надеется сбить фальшивку.

В городской галерее города Франкфурта-на-Майне (ФРГ) хранится «римская» мозаичная картина, приобретенная у наследников Жерома Бонапарта, брата Наполеона. Эту мозаику относили к I в. н. э. Считалось, что она найдена при раскопках в Геркулануме. «Не тронь мои чертежи» — то были последние слова Архимеда, когда он увидел занесенный над ним меч римского легионера. Эта сцена и изображена на мозаике.

Однако почему на воине панцирь, который в I в. н. э. римляне еще не носили? Только со II в. н. э., когда Геркуланум и Помпея уже давно оказались под слоем пепла, в римской армии появляются такие металлические панцири. Развевающийся плащ воина меньше всего похож на римский. Поза легионера напоминает героев Возрождения или эпохи французской революции. Увы! Перед нами опять подделка!

Главный редактор
Морской Энциклопедии
капитан второго ранга,
писатель С. Сахарнов

ПО МОРЯМ от А до Я

МАЯК.

Мы пересекли море. Непокойное Охотское море. Неделю нас трепала волна, сбивали с пути течения и ветер.

И вот мы подходим к Сахалину.

Берега нет. За дымной чертой горизонта не разобрать ничего. Вечереет. За нами идет туман. Лиловая стена его неотступно следует за судном.

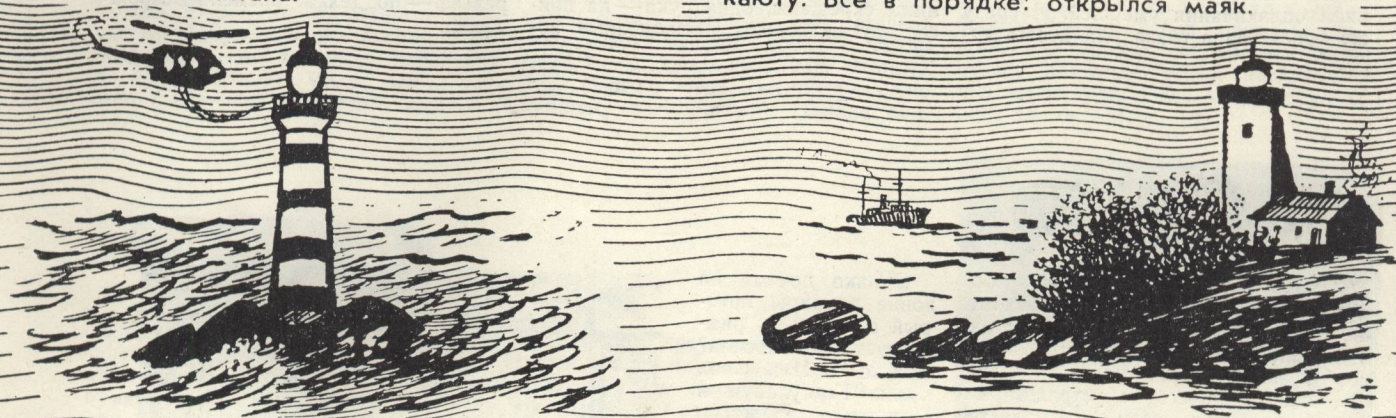
— Ночью, в тумане, подходить к сахалинским камням. Бр-р! — говорит штурман и косится на капитана.

Капитан восьмой час не сходит с мостика. Он стоит и угрюмо смотрит вперед.

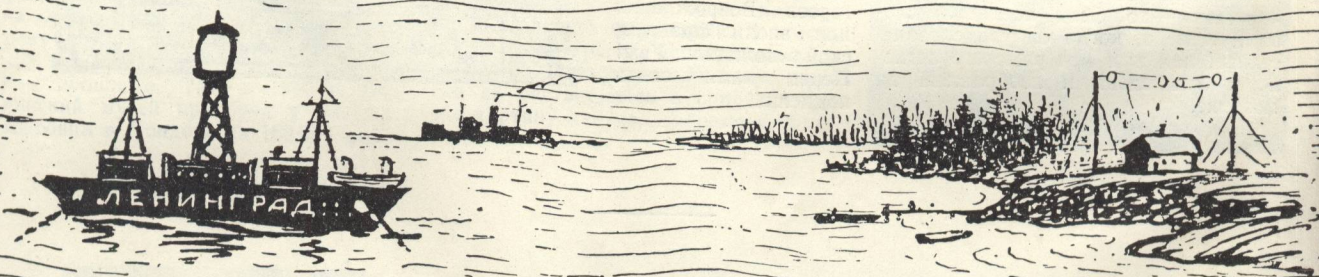
И тогда на горизонте, пробив сумрак, вспыхивает свет. Маленькая желтая звездочка. Она вспыхивает и начинает мигать, уверенно отсчитывая секунды: свет-темнота-свет... свет-темнота-свет... раз-два-три... раз-два-три!

— Штурман, место! — бурчит капитан.

И, не дожидаясь, когда штурман определит по маяку место судна, он спускается в каюту. Все в порядке: открылся маяк.

ВОТ КАКИЕ БЫВАЮТ МАЯКИ

МОРСКОЙ. Скала, на которой поставили его, открыта всем ветрам. Если в море волна — к нему не подойдешь. Поэтому продукты и газеты на него доставляют порой так.

БЕРЕГОВОЙ. Он стоит на мысу, на полпути между двумя портами. Или посреди теплого, утопающего в цветах южного городка. Или в тундре, за полярным кругом.

ПЛАВУЧИЙ. Месяц за месяцем, год за годом

стоит он на якорях. Хорошо, если место стоянки укрытое. А вот немецкий маяк в устье Эльбы в 1937 году был штормом сорван с якорей и выброшен на мель.

РАДИОМАЯК. Обыкновенная радиостанция. «Пи-пи-пи!» — летят над морем ее сигналы. Корабли принимают их и определяют по ним свое место. Откуда громче всего слышен сигнал — там маяк.

МОРСКИЕ ВРАКИ

В мартовском номере журнала мы напечатали рассказ про то, как человек поймал акулу.

Мы получили много писем. Одни ребята считают, что моряк соврал три раза, другие — что пять. А вот Аркадий Брусенцов из Ленинграда пишет, что моряк сказал правду. Он прав.

Акулы в Черном море водятся (маленькая акулка — катран).

Рыбы пешком по дну ходят (ходит морской петух — тригла, у него шесть шипов на нижней части головы, и похожи они на кривые ножки. На них он путешествует по дну).

Акулу за хвост из воды выбросить можно (читайте описание плавания на «Кон-Тики»). Ну и если это маленькая акулка — катран, то палец ей в рот сунуть тоже можно.

СТАЛ ЛИ ЧЕЛОВЕК ХРАБРЕЕ!

Недавно у меня спросили: как вы считаете, люди на Земле стали храбрее или трусливее? Вот раньше, говорят, с рогатиной на медведя в одиночку ходили, а теперь...

Насчет медведей не знаю, а что касается моря...

Кто в море страшнее всех? Известно кто — акула, мурена, барракуда. Попался им навстречу — пиши пропало: съедят с подтяжками.

А еще кто? Про кого писали: поймает водолаза — конец? Опутает ногами, прокусит клювом, высосет как муху! Про осьминога...

И вдруг изобрели акваланг. Стал человек с ним как рыба в воде. Нырять, встречается с подводными жителями, охотится на них. И оказалось: акула, мурена, барракуда к человеку близко не подплывают, знай, крутятся

в сторонке. А осьминог — тот вообще трус. Завидит человека и дёру, дёру! Благо у него свой «реактивный» двигатель есть.

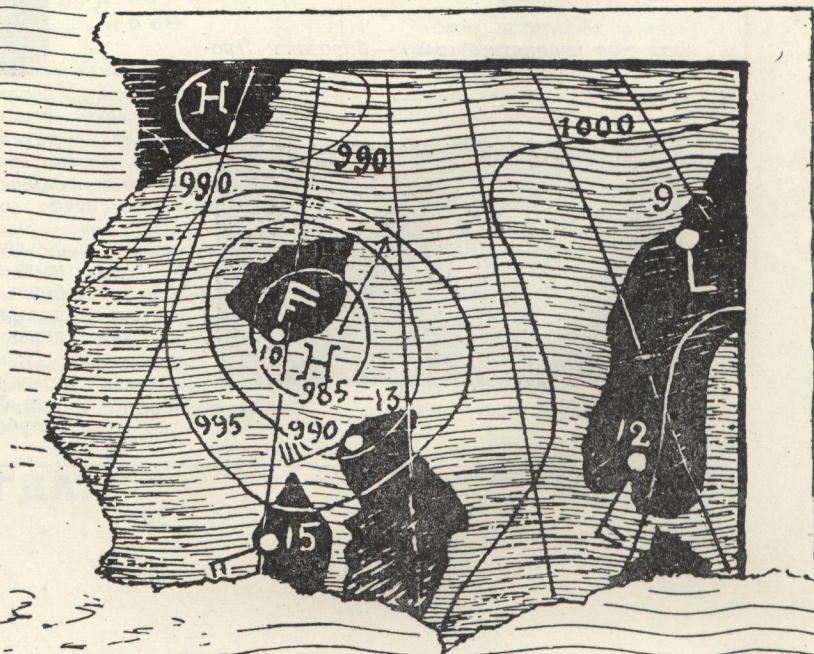
Не боится их больше человек. Выходит, люди под водой храбрее стали.

БУТЫЛОЧНАЯ ПОЧТА

Вторая бутылка, которую выловили из воды Морские следопыты, принесла вот какое письмо... Собственно говоря, это и не письмо, а обрывок карты...

Только обратите внимание, какая она странная, эта карта. Непонятные кривые линии, цифры, не то стрелы, не то флажки, воткнутые в города... Что это за карта? Как бы вы прочли ее?

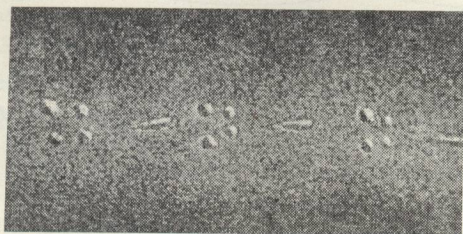
ТАИНСТВЕННЫЕ СЛЕДЫ

РАССКАЗ-ЗАГАДКА

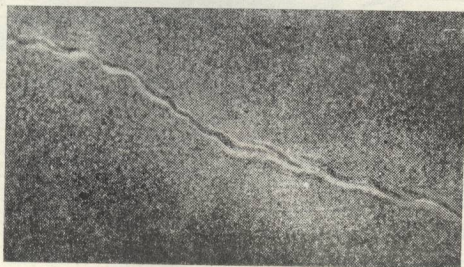
Сверху озерко с песчаным пляжем, как голубое блюдечко с золотой каемочкой. Не бороздили воду рыбацьи лодки и не топтали песок грубые рыбацьи сапоги. Безлюдно было вокруг. А там, где безлюдно, там всегда многоптично и многозверно.

Я приходил к озерку смотреть звериные росписи на песке. Кто был, что делал, куда ушел? Вот лиса воду лакала, лапки намочила. Зайчишка на плюшевых лапках проковылял. А вот след звериными когтями и утиными перепонками; это выдра из воды вылезала.

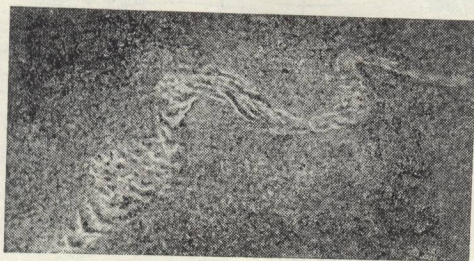
Знакомые следы знакомых зверей.

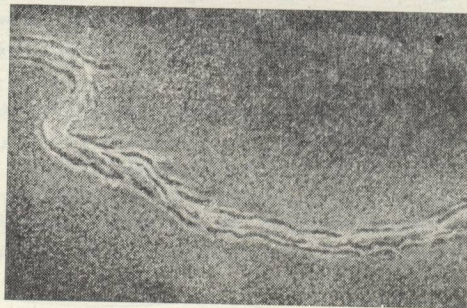
И вдруг след невиданный! Бороздки и двоеточия: то ли зверек, то ли птица, то ли еще что? Пересек след песок и исчез в кустах.

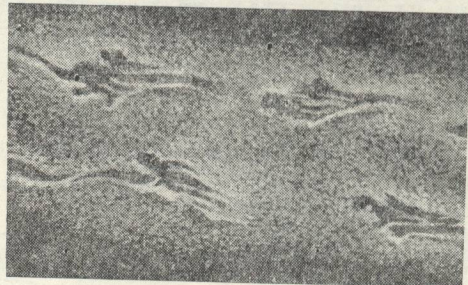
Вот еще непонятный след — бороздка. Протянулась из кустов и пропала в траве.

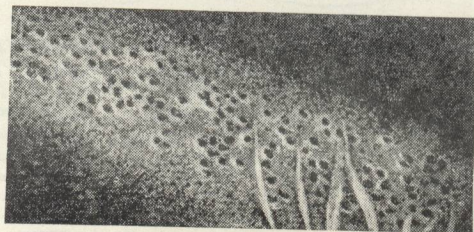
Вот след из воды и снова ушел в воду. Никогда такого раньше не видел!

А этот след начался прямо посреди пляжа, будто кто-то на песок с неба упал. Упал и побрел к воде. И концы в воду!

Тут кто-то шел, — лапки волочил.

Тропа из одних точек — даже в глазах рябит! Неведомая дорожка со следами невиданных зверей.

Следы, следы: незнакомые следы незнакомых жителей берега. Кто там в конце этих бороздок, двоеточий, тропинок? Скачет он, ползет или бежит? Чем покрыто его тело: перьями, шерстью или чешуей?

Ничего неизвестно. И потому интересно. Потому я и люблю приходить на этот безлюдный бережок. Что возле озерка, похожего на голубое блюдечко с золотистой каемочкой.

Н. Слаков

Сегодня ночью я плохо спал, часто просыпался, открывал глаза и смотрел — не светает ли? Но в амбаре было темно и тихо.

И вдруг раздался неистовый писк крысы. Затем слышалась возня и опять все поглотилось тишиной ночи. «Наверное, кот крысу поймал», — подумал я.

А утром, когда я спросил хозяйского сына Ваську, он рассмеялся и ответил:

— У нас и кот-то нет, у нас его заменяет другая живая мышеловка, я вам нарочно ничего вчера не сказал, пусть, думаю, поугаает.

— Да говори же толком, какая такая «живая мышеловка», — рассердился я.

— Чего говорить, пойдем, я тебе покажу!

Васька пошел в амбар, а за ним и я. В углу мы увидели серую сову, она была привязана. Васька ее поймал в прошлом году в гнезде.

По совету отца Васька посадил совенка в погреб, и через пару дней совенки вылезли там всех мышей. Затем его перенесли в амбар — и там он с ними расправился, потом совенки стали брать соседи.

На ночь Васька, обыкновенно, птицу отвязывает и пускает в сарай или амбар.

Я знал, что совы тем и полезны, что уничтожают грызунов, но то, что сову люди держат вместо кошки — услышал впервые.

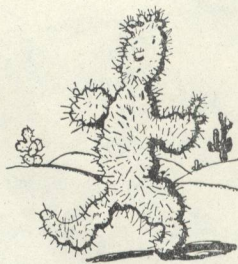
Я решил, что сова уже стала ручной и хотел взять ее на руки. И только к ней нагнулся, как сова подняла вверх свой крючковатый клюв, одну когтистую лапу и была готова к обороне.

— Не тронь, не тронь, она на меня тоже кидается, — сказал Васька, — она к человеку не привыкает.

А. Чурков

„Анданте“ — идуший шагом

В перуанских пустынях водятся ходячие кактусы «анданте». Это слово значит «идуший шагом». Вместо корней у «анданте» отростки, покрытые острыми иглами. Быстрый ветер гонит кактусы с места на место, отростки помогают удержаться на месте хотя бы на некоторое время. Питие и пищу кактус получает из воздуха.

Аппарат помогает штурману

Столкновения на море бывают и днем, и ночью. И в туман, и в ясную погоду причиной столкновения может быть ошибка в расчетах. Для судов советского морского флота недавно создан прибор, который помогает избежать аварии.

Если возникает угроза столкновения, вахтенный штурман задает прибору направление на встречное судно и поворачивает выключатель. Ответ появляется на освещенном экране. Штурман не только узнает, как надо изменить курс и скорость, но и получает варианты решений.

Полезные паразиты

В кишечнике термитов кишмя кишат жгутиконосцы. Эти микроскопические животные составляют третью часть веса тела насекомого — так их много. Нет ни одного термита, у которого не было бы этих паразитов. Вот почему ученые давно подозревали, что маленькие жгутиконосцы не только не вредят хозяевам, но даже приносят какую-то пользу. Поставили опыт, чтобы проверить предположение. У нескольких термитов уничтожили всех паразитов. Через две недели подопытные погибли от голода, хотя кормили их не хуже обычного. Свой корм — древесину — они не смогли переваривать без жгутиконосцев.

Кто „задирает нос“

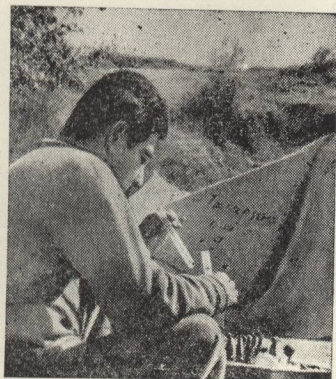
В средневековье существовала мода на длинноносую обувь. В такой обуви ходили те, кто не работал. Длина носа оговаривалась в специальном указе: обувь с самым длинным носом была у царствующей фамилии, у князей носок башмака — не менее 2,5 футов, у рыцарей — 2 фута и у богатей — 1 фут.

«Задирает нос» можно было в зависимости... от знатности происхождения.

Слюда и вермишель

Когда нагревают золотисто-коричневую слюду — вермикулит, она изгибается словно червяк. И название слюды, и название вермишели произошло от латинского слова «вермикулос» — червяк.

Все знают, что такое вермишель. Вермикулит тоже может служить пищей, но для растений. В воду опускают мелкие чешуйки слюды и на этом растворе выращивают огурцы и помидоры. Особенно хорошо научились выращивать овощи на вермикулите в Японии.

Улица Гагарина в горах

На высоте двух тысяч метров над уровнем моря раскинулся палаточный городок. Геологи ищут полезные ископаемые в самом сердце Гиссарских гор.

...Улица Гагарина, палатка № 9. Здесь работает ученый Басит Адылов, аспирант московского института.

Обычно приходится прибегать к бурению, чтобы узнать, содержится ли в земных недрах полезное ископаемое. Басит Адылов узнает об этом с помощью химии. В пробирки собирают воду из разных горных родников или, как говорят химики, берут пробы. После обработки проб химическими веществами на дне пробирки остается осадок. Его бережно фильтруют и упаковывают. В лаборатории откроют присланные пакеты и определят, сколько металлов растворено в воде.

Пение мышей

Мыши поют, и очень мелодично. Но нередко принимают пение мышей за свист птиц.

Ученые установили, что диапазон мышиных солистов равен двум октавам. Но чаще всего звучание их свиста не воспринимается человеческим ухом.

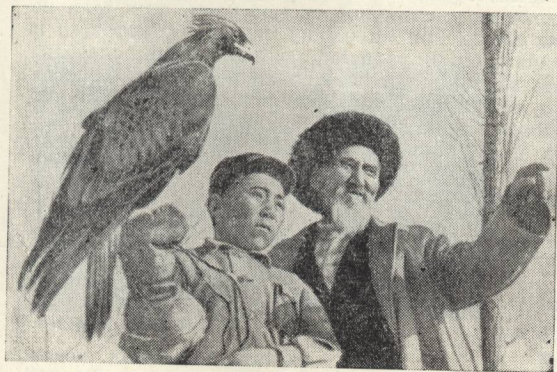

Отчего картошка рассыпчатая

Есть в Ленинграде на Васильевском острове старинный двухэтажный домик. Его лестницы похожи на пароходные трапы, узкие коридоры. Когда-то здесь были склады поваренной соли. Теперь разместились лаборатории института не пищевой, а калийной соли, ценнейшего удобрения для сельского хозяйства.

— Все любят рассыпчатую картошку, — говорит заведующая химической лабораторией Маршида Ибрагимовна Муратова. — Но не все знают, что рассыпчатой делает ее сульфат калия.

Сотрудники института заняты поисками методов добычи соли в соляных забоях: она спрятана глубоко под землей.

Три охотника: Аезбай Алмабаев, его внук и ... ручной беркут.

Волна выше дома

У западных берегов Канады в небольшой бухте Литуга огромные волны возникают от падения в море массивов горных пород. Бухта расположена среди крутых берегов. Предполагают, что причиной возникновения гигантской волны был обвал склона прибрежной горы.

Земля из пластмассы

Недавно на одном из участков Аравийской пустыни выкопали в песке шесть тысяч ям. В них опустили деревья и кусты, а потом заполнили ямы пенистой пластмассой. Деревья и кусты привились — бесплодный участок пустыни превратился в сад. Пластмассовая земля хорошо удерживает нужные растениям влагу и минеральные вещества.

Если ты ОЧКАРИК...

В конце марта я помогал в типографии печатать четвертый номер «Костра». Тогда один старый печатник, по имени Фома Фомич Неверов, посмотрел на странички Круглого Стола и пробурчал: «Думаете, кому-нибудь из «очкариков» это поможет? Ничего подобного... Место только в журнале занимаете...»

Я, конечно, с ним спорил, но, по правде говоря, осталось у меня нехорошее чувство: а ну, думаю, как он прав?..

И вот только-только четвертый номер появился в киосках, как нам принесли письмо...

«Дорогая редакция!

Я прочитал беседу «Если ты очкарик...» Она мне очень помогла. Раньше я думал: в очках нельзя заниматься спортом. Но теперь понял, что очки этому не мешают. Я обязательно буду физкультурником!

С пионерским приветом!
В. Грачев»

А вслед за этим письмом пришло еще восемьдесят девять похожих! Так-то, Фома Фомич!

КОСЯ ТЕРКИН

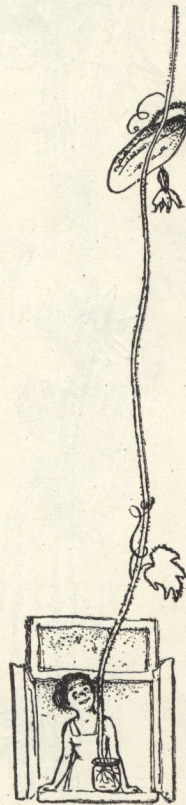
Я с удовольствием печатаю эту заметку, признаю свою ошибку и желаю всем «очкарикам» успехов в спорте!

Печатник
Ф. Ф. Неверов

М. Данини

Рисунки А. Януса

Каждую весну я вожусь с землей... А возня с землей нудная: тащить ее домой, насыпать в горшки, пересаживать, а она при этом сыплется на пол, пачкает руки, течет грязными потоками по окну и так далее.

И вот этой весной попала мне в руки книжица Александра Акимовича Новоселова, про огород на окне без земли.

Как мне захотелось обойтись без земли! Очень захотелось. И тогда я пошла к Александру Акимовичу, чтобы познакомиться с ним. И вот что он мне рассказал.

— Был я на Севере и работал на опытной станции. Землю нам возили на поезде. Ведь на Севере как живут? Темно, холодно, снег. И вдруг солнце, много солнца, целые дни и ночи солнце. А поляники без овощей. Им нужна была зелень. Они говорили: «Хоть бы посмотреть на листья, хоть бы понюхать листья». А земли-то нет... А они опять: «Слыхали мы, что можно выращивать без земли, лишь бы тепло и свет, но многие говорят, что это детская забава...» Но это была не детская забава, а научные работы, первые опыты выращивания без

земли. Видите, бегония стоит в банке с раствором, корни в воде, а не в земле, на банке крышка деревянная. На этой крышке растение и укреплено. Вот какая бегония.

Александр Акимович показал мне горшок, в котором торчали большие ворсистые листья, крупные, как лопухи, с толстым стеблем.

— Только бы свет мне, то есть, этой бегонии, она бы пошла и пошла. Это же чудо с ней, она как на дрожжах на этих растворах... А вот кактусы... Все любят кактусы.

Я только успела подумать, что я не люблю кактусов, а Александр Акимович встал и хотел отломать мне отводок кактуса. А я не хотела растить кактус! Не люблю я их. Они мне кажутся похожими на животных, какие-то горбы в горшках! Я люблю сочную, свежую зелень, пахучую, зеленую, нежную, такую, как огуречные листья.

Есть в кактусах что-то злое и настороженное или вялое и равнодушное. А огурцы — доверчивые, простодушные. Пахни на них холодом — и повянут, и поникнут.

И я сказала:

— Я не хочу кактусов. Дайте мне огуречные семечки.

Как я обмолвилась! Семечки! Да кто же так говорит, ему, агроному, кто же так произносит и так явно обнаруживает то, что я небольшой специалист сельского хозяйства. Надо бы говорить «семена».

Ни один агроном не упустит случая посмеяться над чужим невежеством, но Александр Акимович упустил этот случай, и я очень оценила его благородство и уважение к чужому труду, который не связан с агрономией. Он только сказал:

— Сейчас я вам дам семечки и соли для растворов. Попробуйте растить на растворах. А то бы взяли кактусы.

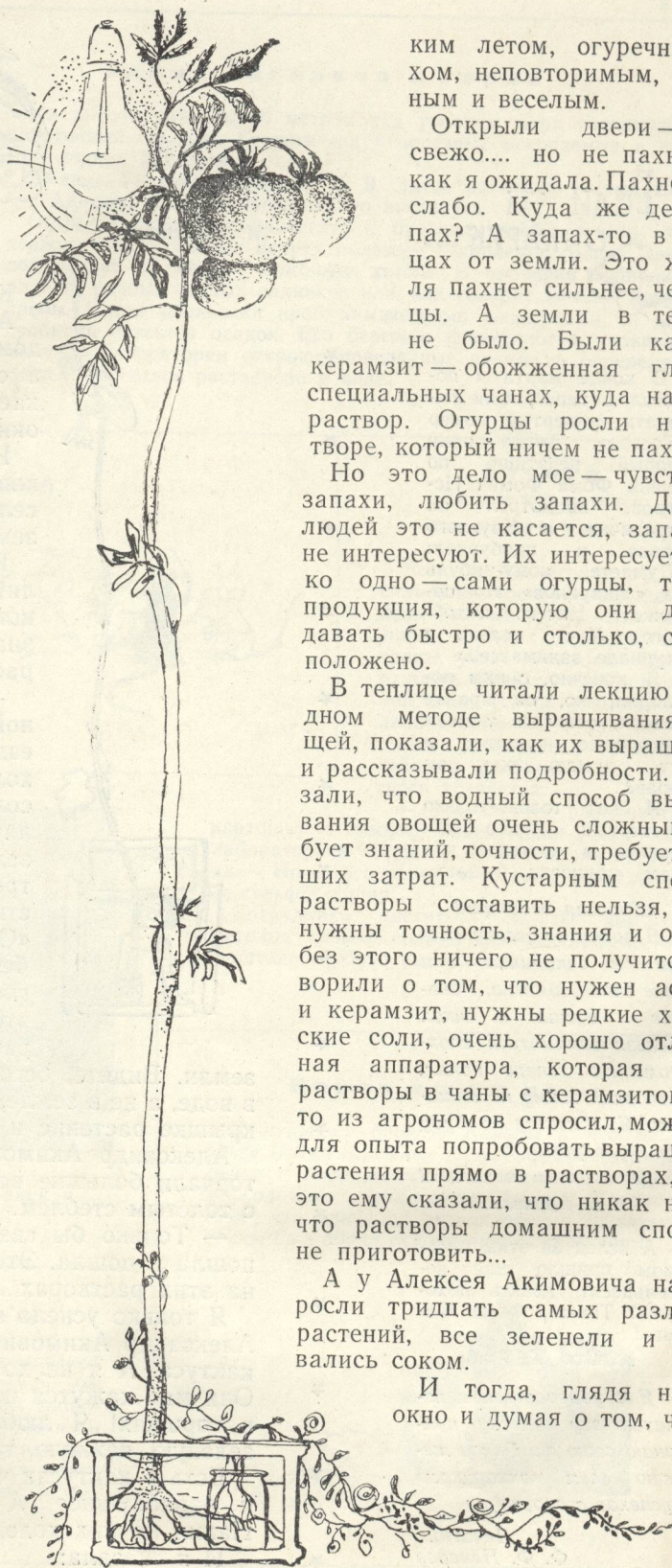
Все любят кактусы. Они неприхотливые. Посадил в раствор — и менять надо раз в полмесяца. Только чтобы корни до дна доходили. Больше ничего не надо.

И он мне насыпал соли в пробирку.

До того как прийти к Александру Акимовичу, я была в теплицах под Москвой, в совхозе Марфино. Очень давно мне хотелось побывать в теплицах. Я так люблю запах теплиц — густой, тягучий, свежий, будто там лето в самом разгаре, хотя летом не услышишь такого резкого запаха, разве что после дождя в глубоком овраге, где нет ветерка, сыро и зелено. Там пахнет, но не так сильно. А в теплицах запах особенный.

И вот в Марфино я хотела скорее услышать этот запах. В первом отделении, довольно прохладном, пахло луком. Там не было повышенной влажности и сильного обогрева. Там было свежо. Это был не тот запах, который я хотела услышать.

Но вот становилось все жарче и жарче, и показалась теплица с огурцами. Вот они — живые, смешные листья, похожие на зеленые звезды, вот они, яркие, свежие кусты, прикрепленные к веревкам, будто ливень поливает их — столько веревок, которые поддерживают стебли. Смешной, светлый мир огурцов, стекла и земли. Сейчас откроют дверь, и пахнет летом, яр-

ким летом, огуречным духом, неповторимым, радостным и веселым.

Открыли двери — тепло, свежо... но не пахнет так, как я ожидала. Пахнет очень слабо. Куда же делся запах? А запах-то в теплицах от земли. Это же земля пахнет сильнее, чем огурцы. А земли в теплицах не было. Были камешки, керамзит — обожженная глина в специальных чанах, куда наливали раствор. Огурцы росли на растворе, который ничем не пахнул.

Но это дело мое — чувствовать запахи, любить запахи. Деловых людей это не касается, запахи их не интересуют. Их интересует только одно — сами огурцы, то есть продукция, которую они должны давать быстро и столько, сколько положено.

В теплице читали лекцию о водном методе выращивания овощей, показали, как их выращивают, и рассказывали подробности. И сказали, что водный способ выращивания овощей очень сложный, требует знаний, точности, требует больших затрат. Кустарным способом растворы составить нельзя, здесь нужны точность, знания и опыт, а без этого ничего не получится. Говорили о том, что нужен асфальт и керамзит, нужны редкие химические соли, очень хорошо отлаженная аппаратура, которая подает растворы в чаны с керамзитом. Кто-то из агрономов спросил, можно ли для опыта попробовать выращивать растения прямо в растворах, и на это ему сказали, что никак нельзя, что растворы домашним способом не приготовить...

А у Алексея Акимовича на окне росли тридцать самых различных растений, все зеленели и наливались соком.

И тогда, глядя на его окно и думая о том, что го-

ворили в теплицах, я спросила Александра Акимовича:

— Как же мне заниматься дома выращиванием на растворах, когда нужна такая точность... Ничего ведь у меня не получится.

Александр Акимович рассердился и сказал, что я ничего не слушала. Это было сказано по старой привычке педагога (много лет Александр Акимович вел кружки на выставке в павильоне юннатов и в домах пионеров). Он сказал:

— Я вам ничего не говорил про точность! Я вам говорил только, что надо всего полтора грамма солей на литр раствора. Если вы дозу увеличите, то рост приостановится, если уменьшите, то растение будет вытягиваться — только и всего. Только надо, чтобы корни доходили до дна. Корни сами все соли соберут, все подберут. Вы на корни смотрите, на корни!

Я стала усердно смотреть на корни, и Александр Акимович смягчился и стал рассказывать дальше.

Я ушла от Александра Акимовича и ночью мне приснилось, что в моем аквариуме, который давно стоит без дела, вместо водорослей выросли огурцы и плавают в растворах, как рыбы. Горят лампы, которые подсвечивают аквариум, а огурцы все плавают и плавают. Я проснулась и стала думать, что аквариум — это же готовый парник. Поставить в него горшок с растением, положить на дно полиэтиленовую пленку, зажечь лампу — и готово. Поливай раствором.

И еще раз я побывала в теплицах — теперь в Ленинграде. Я смотрела на рассаду, — она была большая, крепкая. Она стояла на керамзите. Я все думала: а не взять ли мне на всякий случай земли? Не лучше ли старый, добрый способ — выращивать на земле. Не так уж трудно привезти и землю. Не так уж сложно. На севере — это все понятно, на окнах у Александра Акимовича — тоже. У него так много растений, землю надо ме-

нять, удобрять. Но я буду выращивать всего несколько огурцов и помидор. Может быть, взять? Но я не взяла.

В теплицах, конечно, без земли работы меньше. Во всяком случае, тяжелой работы с землей. Ведь землю в теплицах пропаривают, удобряют, меняют, землю поливают. Кроме того, в земле так много бактерий, которые надо уничтожить. А раствор и керамзит не несет микробов. На растворах нет сорняков, не надо полоть посевы, не надо их рыхлить и окучивать, не надо пачкать в земле руки.

Раствор в теплицах идет по трубам, идет автоматически. Течет сам. А главное, раствор сразу питает корни растения, и оно не добывает себе пропитание, а сосет прямо из воды. Это ему легче — сосать прямо из воды. Потому так быстро растет растение.

Я попросила рассаду огурцов и помидор, тщательно завернула ее и повезла домой. Было очень морозно, и, когда я уходила, так мне сказали в теплице:

— Из этого у вас совсем ничего не выйдет. Ведь у нас растения очень нежные, а вы их на мороз. Нет, ничего не получится. Растворы у нас одни, а у вас — другие.

Я очень волновалась за свою рассаду. От теплицы до моего дома часа два езды, долго-долго не было автобуса, долго-долго он шел, наконец я приехала домой и скорее развязала свою рассаду. Появля или нет? Нет, не появилась. Я скорее поставила ее к батарее и полила простой водой. Начала составлять раствор. Как велел Александр Акимович: на литр воды 1,5 грамма его солей, которые он уже смешал. Там и калийная селитра, и аммиачная селитра, и суперфосфат, и английская соль, и железный купорос, и борная кислота, и марганец. Всего там много, но на литр — полтора грамма. Раствор я составила, но соли

растворились в воде плохо. На дне лежали соли.

Пока я занималась раствором, все время поглядывала на свои растения: не полегли? Не повяли? Нет, они торчали.

Теперь я опустила горшки в банки с раствором и оставила около батареи. Так они простояли ночь. За ночь ни один не погиб. Они простояли еще день на полу, далеко от света, и за ночь очень побледнели, очень вытянулись и стали какими-то водянистыми и неживыми.

Меня взяло волнение: вот теперь-то они и полягут или будут не расти, не цвести, а так — тянуться к свету. Вытянутся огромные — разве от таких можно ждать цветов и плодов?

Я срочно стала подготавливать аквариум. Но аквариум был довольно далеко от батареи и от окна. Его нужно было придвинуть к батарее, но тогда оказалась далеко лампа. Пришлось переставлять лампу, потом закрывать все это сооружение полиэтиленовой пленкой и на дно положить пленку. Но все это получилось, и четыре банки с растворами и горшками с рассадой встали в аквариум.

Теперь я стала ждать, как они себя будут вести. Слабые были у них стебли, слабые и водянистые, просвечивали насквозь. Вялые листья, вид не очень живой, не очень.

Прошел день и ночь, и за это время зазеленели листья, оправились, крутые усы поползли по аквариуму, зацепились, завернулись — и пошли и пошли листья, листья, а потом и бутоны.

За три недели вымахал помидор в полметра, уперся в лампу и стал сердиться на то, что лампа горячая. Листья стали скручиваться от жары. За три недели огурец, который был с одним листом, зацвел и выбросил двадцать бутонов, за три недели я израсходовала всего четыре с половиной грамма раствора, и выросло столько рассады, что я могу поделиться с кем угодно.

Чапаев в Уфе

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Хаким Гиляжев

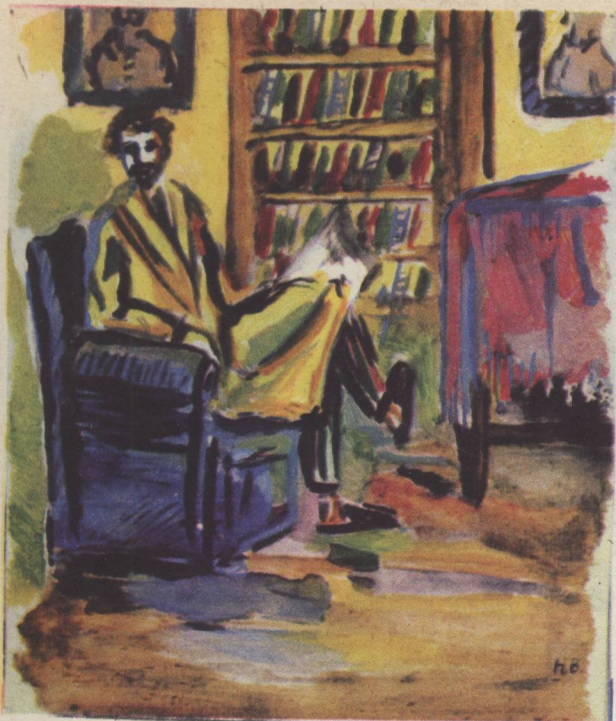
По просьбе В. И. Ленина бойцы Чапаева разыскали и спасли в Уфе, освобожденной от белогвардейцев, детей революционерки М. В. Фофановой.

Ветерок летит, летит,
Коням гривы шевелит,
Коням гривы шевелит,
Торопиться им велит.
Ветерок летит, летит,
Бурку треплет, теребит,
Бурку треплет, теребит,
Пыль летит из-под копыт!
Вот Чапай увидел гору,
На горе увидел город.
«Этот город, — он сказал, —
Ленин взять нам приказал.
Он мне дал приказ такой:
Ты лети к Уфе стрелой.
Над рекой увидишь гору,
На горе увидишь город.
Там построена темница,
В ней один малыш томится.
Надо беляка смести,
Надо мальчика спасти!»
Ветерок летит, летит...
Враг по коннице палит,
Враг по коннице палит,
«Не пройдите!» — говорит.
Пушки пуще загремели,
Сабли звонче зазвенели.
То ли грянуло «ура!»,
То ли треснула гора.
Ветерок летит, летит,
Бурку треплет, теребит,
Бурку треплет, теребит.
По Уфе Чапай летит!
Кличет встречных малышей:

«Отвечайте поскорей:
Где здесь, в городе, темница,
В ней товарищ наш томится!»
«Он, наверно, под горой...»
«Ну, тогда вперед, за мной!»
Малыши не отстают,
За Чапаем вслед бегут.
Радость льется через край, —
Значит, нравится Чапай!
Мчится войско из ребят,
Мчится войско — не отряд.
Все мечтают: «Вот бы в бой
Нас повел он за собой!»
Вдруг до них из-под земли
Чьи-то возгласы дошли.
Видят: вот она, темница!
Кто в темнице той томится?
Тут Чапай замок сбивает —
И мальчишку обнимает!
Ветерок летит, летит,
Бурку треплет, теребит,
Бурку треплет, теребит,
«Ну, прощайтесь», — говорит.
Говорит ребятам ветер:
«Ждут его другие дети,
Ждут другие города.
Вам понятно это?»
«Да!»
Ветерок летит, летит,
Коням гривы шевелит,
Коням гривы шевелит,
Торопиться им велит.

*Авторизованный перевод
с башкирского Рамиля Хакимова*

ПАПА ОТДЫХАЕТ.

Рисунок Вити Неплюева, г. Джамбул

НАШ ЛАГЕРЬ.

Рисунок Люды Александровой, ст. Яйсан

МАЛО СИЛ—УПОТРЕБЛЯЙ ХИТРОСТЬ

Алишер Юнусов

После уроков я сказал нашим ребятам, чтоб они остались и что мы проведем маленькое классное собрание.

И вот после шестого урока остались все. Пришел и учитель. Он тихо сидел за партой, не вмешиваясь в наши дела. Я

Рисунок автора

встал и сказал, что собрание открыто. На собрании мы обсуждали вопрос об Ибрагиме. Все время он учился неплохо.

ПОЛЕТ В КОСМОС

Но вот в седьмом классе он стал учиться хуже. Мы изо всех сил старались помочь ему, но он говорил: „Лишь бы троечку“. И в школу приходил не для того, чтобы чему-нибудь научиться, а для того, чтобы не скучать дома.

И вот мы вызвали Ибрагима к доске. Он еле встал и пошел. Мы стали его спрашивать: „Почему ты получил двойку такого-то числа, почему такого-то?“ А Ибрагим говорил, что такого-то числа ему не разрешила мать (!) готовить уроки, а такого-то он был болен. Мы спросили, дает ли он обещание больше не получать двоек. Он молчал. Тогда мы вызвали к доске двух хороших учеников — Равшана и Зою. Они были заранее предупреждены, что один будет говорить об Ибрагиме, что его нельзя исправить и он долго будет тянуть класс назад; а другая — что его можно исправить, и он очень сообразительный парень. Итак, они сказали свое мнение о нем. И потом мы все стали просить Ибрагима, чтоб он дал обещание. Ибрагим тихо, очень тихо вымолвил: „Больше не буду получать двойки“. Мы поверили ему.

Через несколько дней в дневнике Ибрагима появилась первая пятерка. Оказывается, стыд сильней всякой другой силы.

С. Вуадиль Ферганской области Уз. ССР

В тот год, когда Юрий Алексеевич Гагарин побывал в космосе, все мы, мальчишки и девчонки, играли только в космос. Мы очень хотели быть похожими на первого космонавта. И вот однажды мы решили слетать в космос по-настоящему, назначили день, а космонавтами хотели быть все. Девочки говорили, что в космос теперь должна лететь женщина, мальчишки не уступали. После горячих споров решили, что космонавтом будет Витька.

Деревянная бочка, на которой написали «Восток-2», была космическим кораблем. Мы втащили космический корабль на небольшой косогор, за этим косогором был косогор поменьше, а дальше неглубокий пруд. Витька уселся в «Восток-2», храбро улыбнувшись. Мальчишки стали отсчитывать секунды, а девочки с букетами полевых цветов побежали к месту, где «Восток-2» должен был «приземлиться».

«Старт!» — и бочка покатила. Мальчишки побежали следом. Подпрыгивая, бочка пронеслась мимо нас. По нашим расчетам она должна была уже остановиться, но она катилась дальше, вскоре скрывшись за косогором. Все помчались за космическим кораблем. Когда мы подбежали к пруду, пастухи, пасшие неподалеку колхозное стадо, вытаскивали из воды «Восток-2». Из него вылез Витька, немножко мокрый. «Ура! Приземлился!» — закричали все.

Мы поднесли букеты. У Витьки на лбу была шишка, а на локте огромный синяк, но Космонавт-2 стоял и радостно улыбался.

*Оля Сергиенко
с. Шекаловка Россошанского
р-на Воронежской обл.*

Рисунок Юры Григорьева

КРАСНАЯ СМОРОДИНА ДО ПЕТЛИ ДОВЕЛА

Дедушка Спиридон утром разбудил нас рано-рано.

— Пойдите с братом, проверьте силки, может, кто-нибудь попался.

Мы этому поручению, конечно, обрадовались, быстро позавтракали и пустились в путь. Незаметно прошли мы несколь-

ко аласов и вышли к озеру, где были расставлены силки. Осмотрели поочередно все замаскированные силки, но всякий раз нас ждало разочарование. Обошли все озеро — ни одной утки!

Нечего делать, решили возвратиться домой. Пошли на-

*Рисунки сделаны изокружком
Дворца пионеров Ленинграда.
Педагог С. Д. Левин*

Рисунок Славы Давыдова

прямик, через лес, надеясь полакомиться красной смородиной. Вдруг видим, недалеко от нас, в стороне, кто-то бьется в кустах. Очень удивились мы с братом, когда подошли. Это, оказывается, большой селезень попался в петлю, кем-то оставленную еще с зимы на тетерева.

Видно было, что попался он недавно. Мы попытались осторожно освободить неожиданного пленника, но он так отчаянно забился, что было не подступиться. Однако скоро селезень устал и лег на землю. Видя, что он выбился из сил, я стал снимать с его шеи петлю. Тут братишка недоверчиво спрашивает: «Разве утки попадают в петлю?» — «Раньше никогда не слышал», — отвечаю.

Дома мы наперебой рассказывали про необыкновенную добычу. Дедушка наш, бывалый охотник, неторопливо осмотрел селезня и объяснил:

— Этот селезень в сильный дождь не мог найти себе корма и решил поклевать красной смородины. Смотрите, у него весь клюв красный. Вот и попался лакомка в петлю!

Посмотрели мы, и правда, весь клюв у селезня набит ягодами.

Ваня Иванов
с. Верхне-Виллюйск ЯАССР

МЫ — ДРУЗЬЯ КНИГИ

Рисунок Володи Козлова

На рынке была пивнушка. По требованию общественности ее закрыли. «Берите это помещение!» — сказали кооператоры. Сделали мы приборку в бывшей пивнушке. Убрали

многолетнюю грязь. Вместо вывески «Пиво и воды» повесили другую — «Книжный киоск юных друзей книги».

И вот выходной. Ранним утром с кипами книг мы спешим на базар. Аккуратно раскладываем книги в киоске. К нам подходят первые покупатели, берут книги, плакаты, календари, открытки...

А однажды неприятность вышла. Подходит к нам строгая женщина.

— Вы что продаете?

— Книги!

— Платите за место.

Сначала мы думали, что она шутит. Где там! Требует с нас деньги, словно мы спекулянты какие. Хорошо, что за нас вступились взрослые и разъяснили властной гражданке, кто мы такие.

Каждое воскресенье мы торгуем книгами в нашем пионерском киоске.

— Добро пожаловать! — говорим мы колхозникам.

Валя Толмачева
Санчурск Кировской обл.

СКИФСКИЙ ЦАРЬ АНАХАРСИС

Однажды в дом прославленного мудреца древних Афин Солона постучал какой-то незнакомец.

— Кто там? — спросил Солон.

— Я — чужестранец, — отвечал незнакомец. — Мое имя — Анахарсис. Я — царь скифов.

— Что же тебе нужно, Анахарсис? — сердито спросил Солон.

— Я пришел издалека. Я хочу заключить с тобой союз дружбы.

— Дружбу лучше всего заводить, сидя у себя дома, а не в далеких чужих краях, — неласково сказал мудрец.

— Совершенно с тобою согласен. Поэтому я и пришел к тебе.

— Почему поэтому? — спросил Солон.

— Потому, что ты сейчас как раз сидишь дома, — отвечал Анахарсис. — Вот и заключи со мной союз.

Находчивость гостя пришлась по душе Солону, он принял его радушно, и скоро они стали большими друзьями.

В наши дни мы то и дело читаем статьи и целые книги о смельчаках, переплывающих вплавь бурные проливы или на плоту целые океаны... А для мешан в царской России героическим подвигом казалась «робинзонада» некоего господина Воробьева, о которой рассказали своим читателям многие газеты и журналы в 1913 году. В детском журнале «Задуманное слово» заметка так и была озаглавлена «Волжский Робинзон».

«Житель города Самары Воробьев переехал на один волжский островок, чтобы осмотреть там дрова, которые ему надо было купить. Доставив Воробьева на остров, перевозчики уехали. Между тем торговая фирма, которой принадлежат дрова, забыла прислать лодку за Воробьевым. Он провел на пустынном острове два дня, отрезанный от всего мира и измученный голодом. К счастью, в последний раз исследуя остров, Воробьев нашел вдруг мужика, который согласился за 3 рубля переплыть Волгу, пойти в Самару и прислать лодку. Крестьянин оказался хорошим пловцом, и Воробьев был спасен».

Конечно, в наши дни сравнивать хилого растяпу Воробьева с изобретательным и отважным Робинзоном Крузо даже в шутку нельзя!

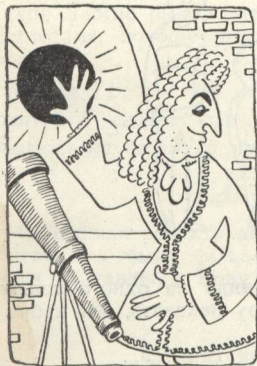
ЭТО МОЖНО УСТРОИТЬ

Первым директором Парижской обсерватории, построенной в 1671 году, был итальянский астроном Джованни Доменико Кассини. Однажды Кассини пригласил нескольких придворных принять участие в наблюдении за редким небесным явлением — солнечным затмением.

Чтобы наблюдать затмение, надо подняться на высокую башню, где были установлены инструменты. Однако некоторые из дам, поглощенные заботами о своем туалете, замешкались внизу.

— Соболаговолите, пожалуйста, поторопитесь. Иначе вы рискуете пропустить затмение! — закричал им сверху Кассини.

— Ничего, ничего, соболаговолите не беспокоиться, пожалуйста, — обратился к дамам один из неотступно сопровождавших их придворных, маркиз Н. — Сеньор Кассини мой хороший друг! Если мы и опоздаем немного, то для нас он, разумеется, устроит затмение снова.

Вот это мысль!

Если драгоценный камень упадет в грязь, он сохранит свою ценность, а если пыль поднимется к небесам, она по-прежнему останется ничтожной.

Саади

Не доверять друзьям — позорнее, чем быть обманутым ими.

Ларошфуко

В. А.

**БЕСЕДА
ЗА КРУГЛЫМ
СТОЛОМ
„Костра“**

НЕ РЫЦАРИ

КОстя ТЕРкин: С моим Круглым Столом происходят странные превращения.

В июне за него сели петрозаводские школьники. Половину стола они оставили для тех, кто захочет присоединиться к разговору. В июле к петрозаводчанам подсади известные спортсмены страны. Вот тут-то и начались странности: по-прежнему ровно половина стола пустовала, хотя народу за ним стало вдвое больше...

Я, признаться, в таком его загадочном поведении разбираться не стал, а взял, да и пригласил к нему новых ребят — из самых разных мест страны.

О чем они рассказывали? Тема — та же: Рыцарский Кодекс Чести Спортсмена. Только на этот раз говорили они больше о том, каким НЕ ДОЛЖЕН быть настоящий спортсмен-рыцарь.

ВАЛЯ СОТНИКОВА живет в Ефремовском районе Тульской области. Свое выступление она назвала...

Должная лыжня

Минувшей зимой произошел у нас в школе неприятный случай. Мы участвовали в соревнованиях и заняли в лыжной гонке последнее место.

Сначала мы приуныли: вот, мол, какие мы слабые; все нас опередили... Но потом выяснилось, что нашу команду, оказывается, направили совсем по другой лыжне. «Победители» труслили, что наша школа придет первой, и решили «перехитрить» нас.

Что же, они, действительно, финишировали раньше нас, только не мы, а они шли по ложной лыжне. Настоящего спортивного соперничества они испугались. Свое «первое» место они взяли обманом.

Хороши «рыцари» — ничего не скажешь!..

КОстя ТЕРкин: Действительно, эти ребята о рыцарстве, наверное, и не слыхали даже. Жаль только, Валя, что ты не указала точного адреса этих «победителей». Надо бы их всем вместе продернуть как следует.

Зато САША ГАРАНИН (он живет в Таджикской ССР, в Науском районе Ленинабадской области) в своем рассказе назвал точное имя капитана, который брал в свою команду каждого...

... Кто под руку попадет

Я волейбол люблю. Но чтоб очень хорошо в него играл — этого сказать не могу.

Но вот пришел я однажды на волейбольную площадку. Там наша команда тренировалась — шестиклассников. Я тоже попросил «покидать». И забросил в игре шесть очков («шел» у меня в этот день бросок, бывает такое). А Вова, наш капитан, сразу же включил меня в команду. Да и не одного, а еще и дружка моего, Анвара.

А на соревнованиях мы проиграли с громадным счетом...

Может, наши шестиклассники и в самом деле хуже других играют? Нет. Есть у нас и хорошие волейболисты. Просто капи-

тан специально набирал почти всю команду из одного только нашего 6-в класса. Хотел «классную» игру показать, вот и брал всякого, кто под руку попадал.

Вот почему я и говорю: Вова — плохой капитан...

КОстя ТЕРкин: Вова, по-моему, большую ошибку сделал. На твоём месте, Саша, я и сам бы, конечно, не стал выступать за команду, зная о своем «мастерстве». Но то, что ты не побоялся всем рассказать об этом, — хорошо и смело. По-рыцарски.

ГРИША ПЛАКСЕЕВ из поселка Пеледуй Ленского района Якутской АССР в своем рассказе имен не называл, но зато выступил с предложением, которое назвал

„Спорт и кнопки“

Хочу предложить тему для карикатуры.

Высмеять она должна ребят, которые бегают с уроков физкультуры. Эти ребята так рассуждают: «Ученые, мол, уже сейчас создают всякие умные автоматы. Когда мы вырастем, таких автоматов будет полным-полно. Нажми кнопку — и автомат все сделает, что тебе угодно... А много ли сил нужно, чтоб кнопку

нажать? Немного. Тогда зачем же нам, дескать, нужна эта физкультура?..»

Вот я и хотел бы, чтоб ваш художник нарисовал такой автомат, а рядом — тошенького, хилого человечка, на которого и смотреть-то противно... Над этим стоит посмеяться как следует. Пусть те, кто бегают с физкультуры, полюбуются на себя в недалеком будущем...

КОстя ТЕРкин: Согласен с тобой, Гриша! Гвое предложение понравилось и художнику Олегу Ивановичу Земцову. Свою карикатуру он посвятил ребятам, не понимающим, для чего надо заниматься спортом. Вот ВАЛЯ СИГАЧЕВА из поселка Ширяевки, наш славный юнкор, называет таких ребят...

Беглецы

В нашей школе есть такие. Много сил и хитростей они тратят на то, чтобы хоть как-то освободиться от уроков физкультуры.

Когда я училась в пятом классе, я тоже считала, что спорт — «дело пустое». И тоже иногда бегала с занятий... А потом я подумала: настоящий храбрый и смелый человек никогда не будет трусить и убегать от трудностей. А «побег» с урока физкультуры? Разве это не трусость?..

Мне кажется, что тот, кто любит спорт, сумеет воспитать у себя многие рыцарские качества. А тот, кто уже сейчас стал «беглецом», вообще никогда не станет рыцарем. Вы согласны со мной?

КОстя ТЕРкин: Об этих «беглецах» хочется еще особо поговорить. А сейчас чимкентский школьник Р. ГАЙНУТДИНОВ положил на середину круглого стола...

„Вовкин мяч“

Мы решили собрать дворовую футбольную команду. Чтоб она была сильнее, мы позвали к себе ребят с другого двора — Славика и Вову Лиховских.

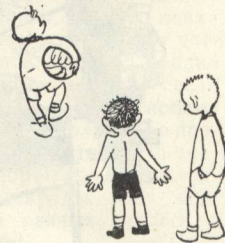
Мяча у нас своего не было. Его принес с собою Вова.

Начали тренировки.

Вова вообще-то неплохо играл в нападение. Вот только по воротам бил неточно.

А ворот настоящих у нас тоже не было. Мы их просто веточками отмечали.

И вот, бывало, ударит Вова, а мяч пролетит сверху метрах в четырех или вообще вбок уйдет. А Вовка кричит: «Был гол!» Мы начнем спорить, он возьмет свой мяч под мышку и уйдет домой. И часто, чтобы поиграть дольше, мы поневоле засчитывали его «гол».

Но однажды нам это надоело. Вовка, как обычно, забрал мяч и ушел. Только мы не стали его упрашивать. Просто сговорились и через несколько дней купили себе мяч. Не чей-нибудь «персональный», а общий, всей команды.

И стали играть без Вовки.

А он увидел, что мы его не зовем, и скоро пришел сам: «Возьмите меня поиграть...» Ну, что же, мы его взяли...

Только теперь, пробив мимо, он не спорит с нами. Знает: если он уйдет с поля, за ним никто не побежит, как раньше...

Вот как мы проучили Вовку...

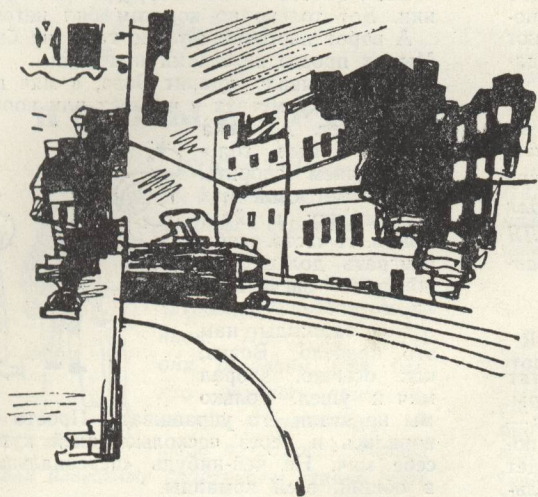
КОстя ТЕРкин: Очень правильно, на мой взгляд, поступили чимкентские ребята. И история поучительная, и рассказ получился хороший...

Присылайте и вы нам свои рассказы, истории, стихи, сценки, рисунки о спортивной жизни в вашей школе. О Рыцарском Кодексе Чести Спортсмена! Место за Круглым Столом всегда найдется. Тем более, что он продолжает свои «чужачества»: половина его опять свободна. Ждет... И я тоже — жду...

Футбольная наука

Юрий Коршак, спортивный обозреватель

Рисунки Ю. Лебедева

12. Матч с невидимым врагом

День осажденного Ленинграда был обычным. Жители получили свой паек хлеба, детям по 300 граммов, рабочим — по 500. Натруженные голоса сирен привычно пропели зловещую мелодию воздушной тревоги. Фашистские артиллеристы выпустили по городу несколько десятков снарядов. К линии фронта можно было добраться на трамвае.

В этот день, 31 мая 1942 года, на ленинградском стадионе «Динамо» состоялся футбольный матч.

Накануне двум оперативным работникам милиции Валентину Федорову и Аркадию Алову было дано необычное задание: разыскать лучших футболистов города. Федоров и Алов прекрасно знали всех игроков в лицо, ведь они сами были мастерами спорта. Где искать, им тоже было известно. Когда разразилась война, ленинградские спартаковцы и динамовцы готовились к очередным встречам на первенство страны. Прямо со стадиона они ушли доб-

ровольцами в армию. Большинство сражалось на ленинградском фронте.

Вскоре Федоров с Аловым знали адреса чуть ли не всех игроков команды «Динамо». Нашелся вратарь, полузащитники, нападающие. Не было только центрального защитника мастера спорта Петра Сычева. «Погиб смертью храбрых», — ответили друзьям футболиста из части, где служил Сычев... Это произошло на одной из ленинградских улиц. Ведь здесь тоже был фронт. Сычев выполнял задание, нес патрульную службу. Неожиданно начался артобстрел, и тут он заметил ребятшек, которые бежали как раз по самой опасной стороне улицы. Не раздумывая, он бросился к детям и проводил их до убежища. Когда Сычев возвращался на свой пост, его настиг осколок вражеского снаряда...

Докладывать о результатах поисков Федорова и Алова вызывали не куда-нибудь, а прямо в штаб армии. Спросили: — Ну, как, наберется одиннадцать?

Футболисты невольно переглянулись. Шутят с

ними, что ли? Одиннадцать, ведь это команда, играть можно. В списке у них как раз столько имен.

Еще спросили:

— Бутсы, футболки найдутся? Учтите, дело серьезное. Фашисты объявили на весь мир наш Ленинград «мертвым городом». А мы в ответ проводим футбольный матч. Сил хватит у ребят? Положение сами знаете какое.

— Должно хватить, народ у нас спортивный, — не стовариваясь ответили два друга. — Сыграем.

— Тогда передайте всем — матч в воскресенье. Игроки получат увольнительные.

Впервые после начала войны ожил заброшенный динамовский стадион. Афиш не было. Но каким-то чудом пронюхали болельщики об удивительном матче, и несколько десятков человек собрались на трибунах.

Перед игрой футболисты договорились — чур, в аут не бить! Там — грядки, и уже проглянули зеленые ростки. Рядом с беговой дорожкой — картофельные грядки, а картошка теперь — на вес золота.

Вот судья поставил мяч в центре. Дал свисток. В своих традиционных белых футболках с си-

ней полосой выбежали динамовцы. В красных — команда Металлического завода. В ней, правда, только десять человек, да и вратарь «ненастоящий». А так все честь честью — футбол.

Мяч начал свое нескончаемое путешествие от одних ворот к другим. Сначала казался он всем тяжелым-тяжелым.

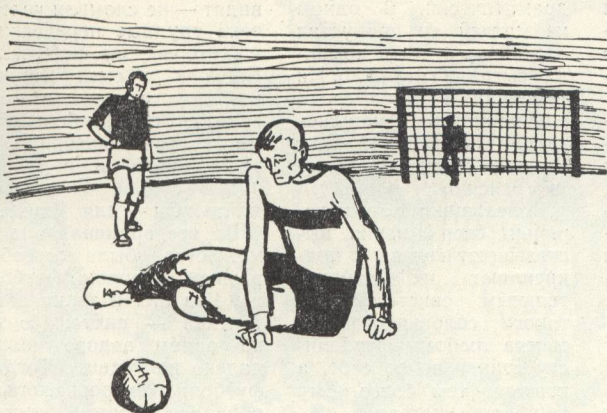
Один игрок принял мяч головой и... упал от удара. Товарищи заволновались. Выручил судья. Подбежал и говорит тихонько: «Вставай, дружок, простудишься». Это была его любимая шутка. Все ее знали — и футболисты, и болельщики. Может, оттого, что слова были такие знакомые, спортсмены приободрились. Ведь и верно — они играют в мяч, как до войны. Футболист встал. Матч продолжался.

Кончился первый тайм. Игроки опять собрались в центре. По правилам — перерыв.

— Давайте, сразу начнем, — предложил кто-то. Остальные согласились. Пока бегаешь ничего еще, а сядешь отдышать — неизвестно, сумеешь ли снова выйти, перебороть усталость.

«Отдохнуть» все же пришлось. Неподалеку вдруг разорвался снаряд, еще, еще. Били шрапнелью. Видно, наблюда-

тели врага заметили необычное оживление на стадионе.

Футболисты, люди военные, привычно залегли. Зрители попрыгали в щели. Никого не задело.

Кончился артобстрел — и мяч на поле. Встречу закончили нормально. Только динамовцев тоже стало десять. Пришлось уйти с площадки Алову, его срочно вызвали для выполнения очередного задания.

Слух о матче прошел по всему городу. Люди по привычке спрашивали: — А как сыграли, какой счет?

Но в этом поединке счет, конечно, имел не главное значение. Это был поединок с врагом, жестокий и упорный. Его выиграли наши футболисты.

На другой день об игре на стадионе «Динамо» было объявлено прямо на передовых позициях. В тот день у солдат и матросов, может, впервые за всю блокаду, было хорошее настроение. «Слышали?.. На «Динамо» уже играют в футбол, значит дело идет на лад!»

13. Что же главное в футбольной науке?

Пожалуй, блокадный матч был единственным, в котором техника и тактика ничего не значили. Всё решали воля, мужество. И мяч покорился

людям, пережившим страшную голодную зиму.

В любом виде спорта без таких качеств не обойтись. Но не везде они проявляются одинаково зримо. Когда лыжник лихо прыгнет с трамплина и торпедой летит над склоном горы или мотоциклист выжимает полтора километра в час из своей машины, всякий скажет: «Вот это да! Смелый парень».

В футболе решительно сти нужно иметь не меньше, если, конечно, игрок не вышел на поле лишь для того, чтобы пофорсить своей красивой майкой и гетрами.

На этот счет можно привести немало примеров. Когда-то, еще на заре русского футбола, лучшими командами в Петербурге считались клубы «Невский», «Нева», «Виктория», составленные из иностранцев. В царской России преклонение перед иностранным распространялось и на футбол. Поэтому у русских игроков поджилки тряслись, когда они выходили на матч с иностранцами. Играли не хуже, а проигрывали. Разве можно было устоять перед королями футбола — англичанами?

Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день не нашлась русская команда, отважившаяся дать бой родоначальникам игры в мяч. Русские не боялись соперников и... по-

бедили. Тогда всем, наконец, стало ясно, что футбольный-то король голый. Воспрянули духом другие петербургские клубы, и англичанам пришлось сложить оружие, их команды быстро распались.

Или вот другая страница из истории уже советского футбола. В 1938 году на Рабочей олимпиаде в Голландии выступал наш сборный коллектив. Случилось так, что перед решающей схваткой в финале в строю осталось только десять игроков. Где взять недостающего?

Все советские спортсмены, приехавшие на олимпиаду, думали, как бы выручить товарищей. Пришел в гости к футболистам боксер Николай Королев и сказал: — Возьмите меня. Раньше мне приходилось играть вратарем. Может, и сейчас пригожусь.

А вратарь в команде был. К тому же Королев все-таки тяжеловес. Кандидата нашли среди гимнастов, поставили в полузащитники. Конечно, новичок ошибался, терял мяч. Но никто не произнес ни слова упрека.

Дружба — таков закон у советских спортсменов. Напутал това-

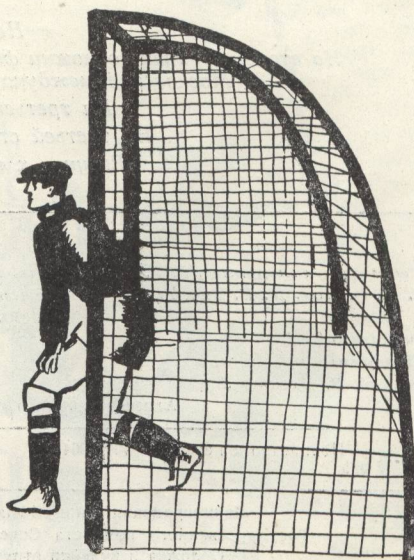
рищ в игре, надо ему помочь исправить промах, подбодрить. Каждый старался за двоих, и в тяжелой борьбе победа досталась нашей команде.

По-разному проявляется волевая закалка на футбольном поле. Скажем, счет 5:1 в пользу соперника, а до конца встречи всего минут пятнадцать. Здорово обидно проигрывать. Но если уж суждено уйти победленным с поля, надо проиграть с честью. Это значит бороться до последней секунды. Вот разгадка разных «чудес» в спорте!

Команда не сдаётся и забивает гол 2:5. Снова атака, и снова гол. Теперь уже в панике противник, победа была в кармане и вдруг такой поворот событий. Счет 4:5, остается минута. В эту минуту и забивается пятый мяч. Ничья!

Это не выдумка, подобное «чудо» произошло на олимпийских играх 1952 года. Советская сборная на грани поражения от команды Югославии сквитала подряд четыре мяча. Вот где сказался бойцовский характер, без которого немислим успех на поле.

Трудные испытания порой выпадают на долю спортсменов. Далекий

Мельбурн. Олимпиада 1956 года. Матч футбольного турнира. В советской сборной подбит игрок, защитник Николай Тищенко. Тут же в раздевалке врач определил — сломана ключица, надо ехать в больницу.

По правилам замена запрещена. Команда останется в меньшинстве. А счет не в нашу пользу. Ни тренер, ни игроки ничего не говорят Николаю. Травма есть травма. — Покрепче забинтуйте, — просит Тищенко врача, — в больницу я еще успею.

Никто не возражает. Каждый поступил бы так на его месте. Борьба продолжается.

Тищенко играет в падении на краю, вернее отвлекает на себя чужо-

го защитника. Иногда к нему долетает мяч. Соперник спокоен. Что может сделать перебинтованный футболист?

В один из таких моментов Тищенко подхватил мяч, преодолевая боль, ринулся вперед. Рядом мелькнула знакомая фигура центра нападения. Мяч был отдан точно. Удар и гол, победный гол в воротах противника. «Скорая помощь» ждала у ворот стадиона...

Недавно вратарю сборной СССР Льву Яшину вручили «Золотой мяч». Это высшая международная награда присуждается лучшему стражу ворот.

Яшин замечательный игрок, но минувший сезон сложился для него

драматически. В одном из матчей он пропустил легкий мяч. Да и команда сыграла неважно. На трибунах и даже среди специалистов нашлись такие, что решили: «Все, «сошел» Яшин. Пора ему «на пенсию».

Болеельщики народ горячий, свои мнения высказывают в глаза и подкрепляют их оглушительным свистом... От такого соловьиного по-свиста любому футболисту станет не по себе, а вратарю тем более. Ему ошибаться нельзя.

Казалось, и вправду «сошел» Яшин — неудача за неудачей. Какой там «Золотой мяч»? Не было Льва даже в списках кандидатов.

Настала осень. Снова Яшин в воротах, и все

видят — не сломили человека трудные переделки, в которых он побывал. Спокоен и смел Яшин, нет дороги мячу в его ворота. Весь футбольный мир только и говорил об этом. Никто и не спорил о судьбе «Золотого мяча». Он — для Яшина.

Во все времена воля и мужество были своеобразным пороком футбола. Без них и техника и тактика — ничто. Но и на одном задоре тоже далеко не уедешь. Тогда футболист хорош, когда обладает всеми этими свойствами.

Все сразу не приходит, иногда дается с трудом. Но на то и существует футбольная наука, чтобы делать людей смелыми, ловкими, сильными.

ПРОЩАНИЕ С ГОЛОВОЛОМСКИМ ЛАГЕРЕМ

Эта картинка, если ее рассмотреть внимательно, может кое-что рассказать...

Понравился ли ребятам лагерь, где они провели лето?

Какими видами спорта занимались ребята? Смотрите внимательно, чтобы какая-нибудь упущенная «мелочь» не помешала вам дать полный ответ.

Ребята приготовили школе подарки... Где взяли они эти подарки?

Какие именно коллекции, работы, материалы привезут ребята в школу?

Какие птицы и бабочки водятся в окрестностях Головоломска?

Какие растения там часто встречаются? Не торопитесь отвечать — учтите, что эти листья принадлежат не пяти разным растениям, а только трем!

На обложке рисунок А. Кора

На второй странице обложки фото Рудольфа Хильдебрандта (ГДР) «Веселые пионеры»
Московская международная выставка художественной фотографии

На третьей вклейке рисунок Т. Ксенофонтова

На третьей странице обложки рисунок Ю. Лобачева

Рисунки к «Морской энциклопедии» И. Ризнича

Редактор В. В. Горюхиин

Редакционная коллегия: Т. А. Буценко, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Паителева, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Черникова, Ю. А. Юркин (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор М. В. Яхонтова

Технический редактор
А. А. Дворяковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76.

М-44542.
Тираж 284500 экз.

Подписано к печати 17/VII 1964 г.

Формат 84×108^{1/32}.
Заказ № 492.

Печ. л. 8+1 вкл. 6,56 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

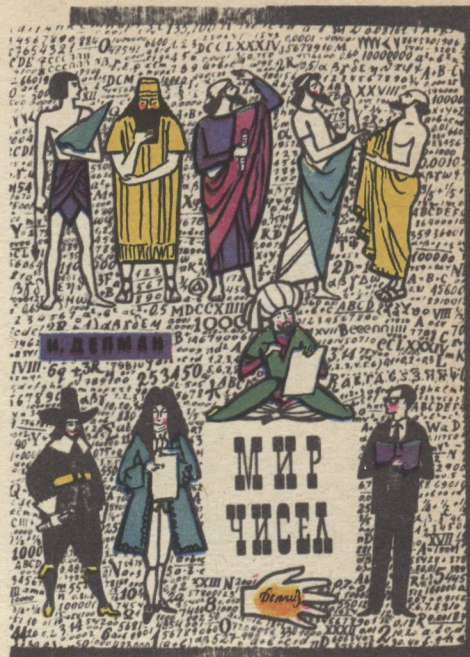
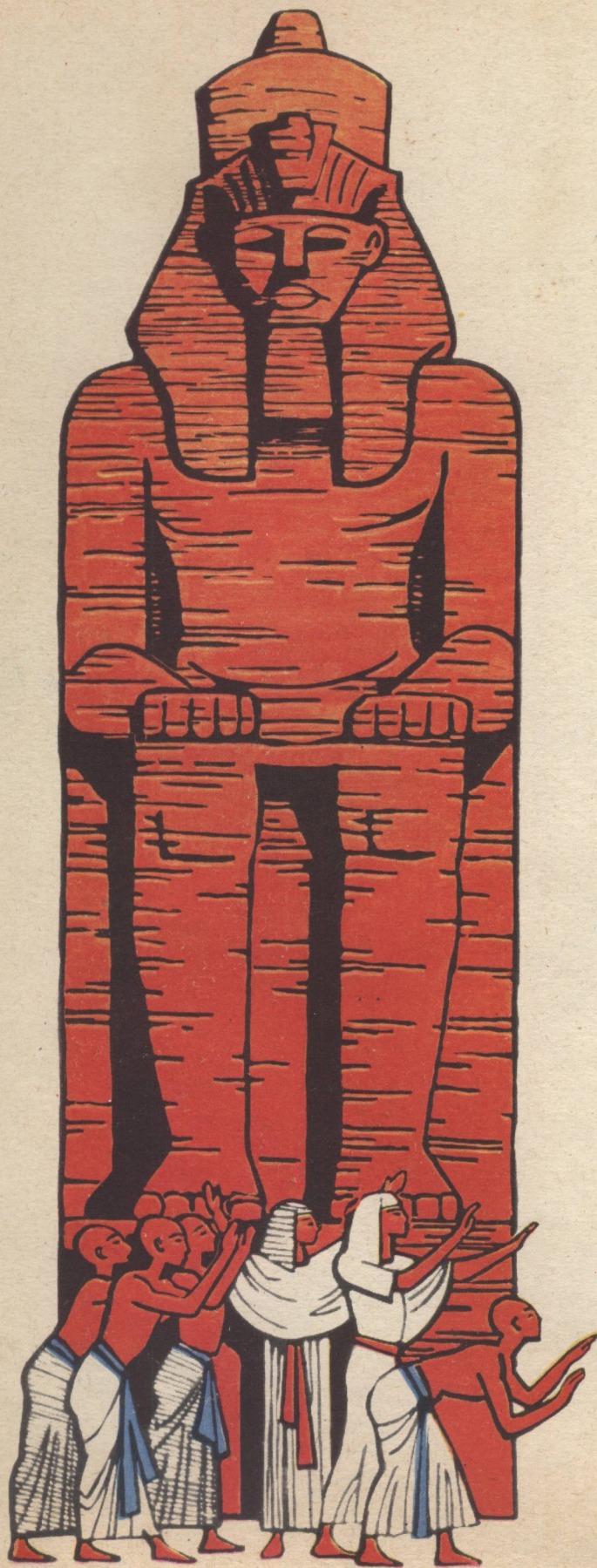
Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой «Главполиграфпрома»
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати, Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Л л О = Е
л = 4

Л Е И Г МЫ ШЛИ А Ш И Е

Знаете ли вы, что слова „время истекло“ имели когда-то буквальный смысл? Знаете ли вы, что еще 2000 лет назад греческий ученый Эратосфен впервые определил размеры Земного шара? Знаете ли вы, что изобретение нуля одно из важнейших открытий человека? Обо всех этих и многих других удивительных фактах из истории математики просто и увлекательно рассказывает И. Делман в книге „Мир чисел“. Рисунки Ю. Киселева. Книга издана Детгизом в 1963 году.

